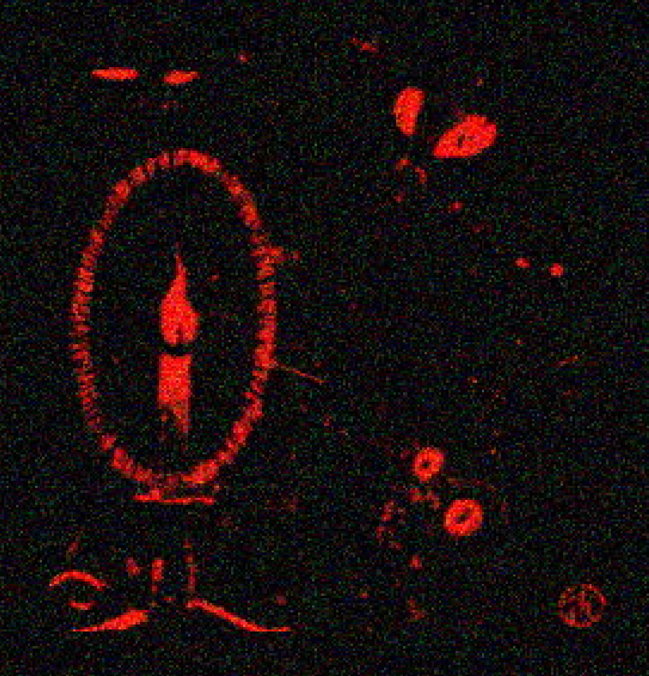
[Polaris]

Пауль Леппин

Хождение Северина во тьму

Пражские призраки

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCLI

Salamandra P.V.V.

Пауль
ЛЕППИН

ХОЖДЕНИЕ СЕВЕРИНА ВО ТЬМУ

Пражские призраки

Salamandra P.V.V.

Леппин П.

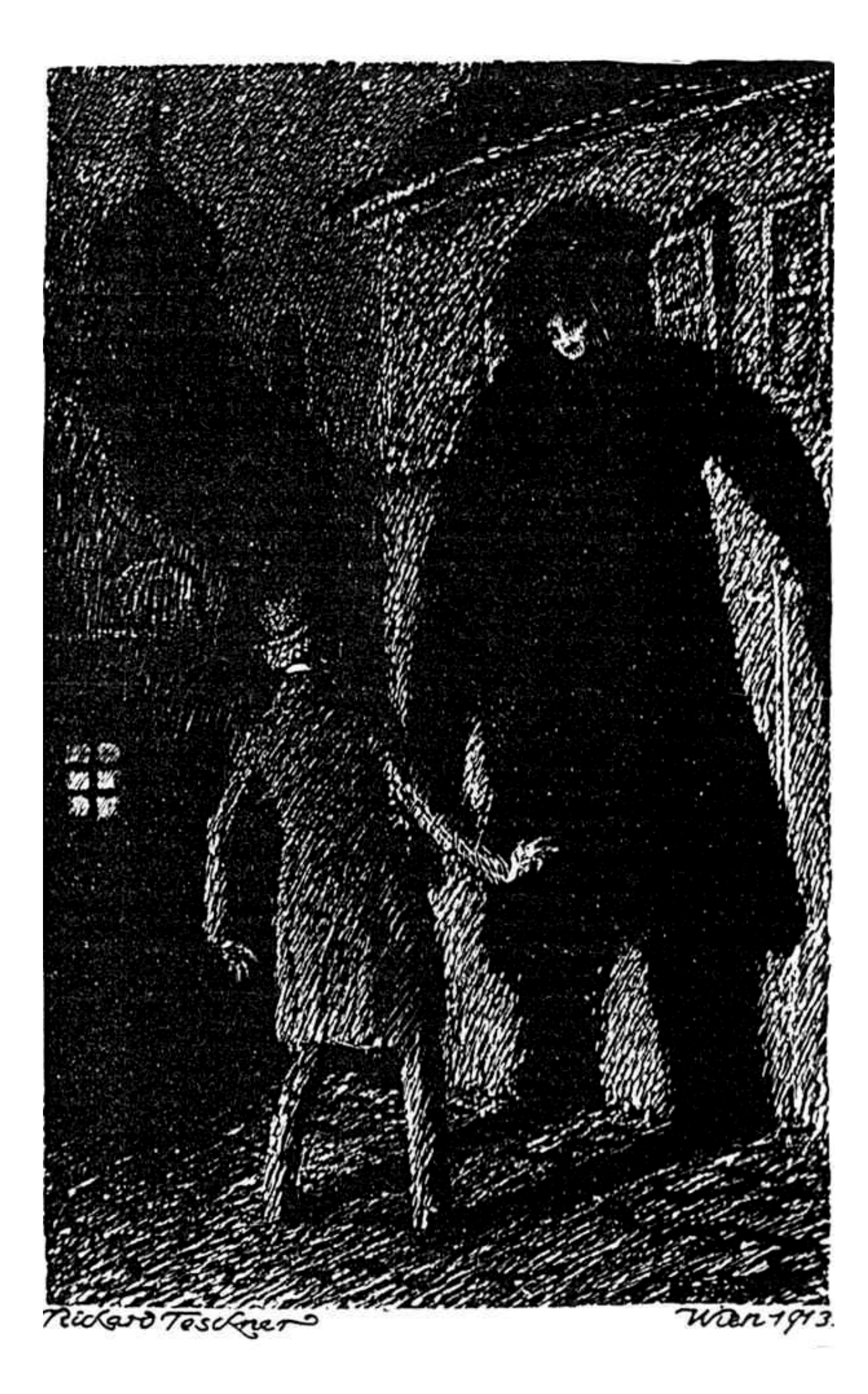
Хождение Северина во тьму: Пражские призраки. Пер. с нем. Е. Янко. Послесл. А. Шермана. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2018. – 107 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCLI).

«Король пражской богемы», нередко шокировавший современников декадентско-эротическими мотивами своих книг, трубадур старого и исчезающего на глазах города – Пауль Леппин (1878-1945) принадлежал к той же плеяде немецкоязычных писателей, что и прославившие Прагу Ф. Кафка, Г. Майринк и М. Брод. Сжатый до предельной краткости роман Леппина «Хождение Северина во тьму» — повествование о темных страстях, паутине фантасмагорий, призрачных обитателях Праги и в первую очередь о самом этом странном и фантастическом городе. Впервые на русском языке — ключевое произведение П. Леппина и важнейшая составляющая «пражского текста» в целом.

Paul Leppin

ХОЖДЕНИЕ СЕВЕРИНА ВО ТЬМУ

Richard Teschner
Wien 1913.

Книга первая

ОДИН ГОД ИЗ ЖИЗНИ СЕВЕРИНА

1

Этой осенью Северину исполнилось двадцать три года. Во второй половине дня, изнуренный мучительной конторской работой, он возвращался к себе в комнату, кидался на обитый черной кожей диван и спал до вечера. Лишь когда снаружи зажигались фонари, он выходил на улицу. Он видел, как солнце шествует над городом, только летом, в дни длинные и знойные. Да еще по воскресеньям, когда весь день принадлежал ему и он во время прогулок раздумывал о своем недолгом студенчестве.

После двух или трех семестров Северин бросил учебу и нашел место в бюро. Теперь он по полдня сидел в ненавистной конторе, склонив болезненное и безбородое мальчишеское лицо над рядами цифр. Вместе с царящим в комнате холодом в тело проникало нездоровое нервное смятение, лишая душу покоя. Вечное однообразие заставляло руки дрожать. Нескончаемая усталость впивалась в виски, и Северин вдавливал глазные яблоки пальцами в голову, пока боль не пронзала его.

В этом дождливом октябре он целую неделю не видел Зденку. Ее ежедневные письма с просьбами о встрече раздраженно отбрасывал в сторону, не отвечая. В его венах начали пульсировать желания, которые Зденке было не удовлетворить. И нынче вечером, когда он, затуманенный сном, вышел на улицу, его, как всегда, захлестнуло волнующее ожидание, смутное и необыкновенное любопытство. Широко распахнув глаза, смотрел он на город с мелькающими мимо силуэтами прохожих. Шум экипажей и грохот трамваев сливался с человеческими голосами в гармоническом единстве, то и дело разрываемом разобщенными зовами или криками, в которые он вслушивался с особым чувством, словно находил в них нечто небывалое. Больше всего ему приглянулись улицы, не тронутые бурливой суетой. Там, когда он прищуривался и смотрел сквозь полусомкнутые веки, очертания домов вокруг фантастически изменялись. Потом он прошел вдоль стен огромных садов, окружавших больницы

и учреждения. В ноздри ударил запах палой листвы и пропитанной влагой земли. Он знал, что где-то поблизости есть церковь. Вечер только начался, и на улице, за исключением случайных прохожих, было пусто. Северин остановился в тени под балконами, пытаясь понять, отчего так колотится сердце.

Неужели эти чувства навеял город своими темными фасадами, большими и безмолвными площадями и давно потухшими страстями? Северину всегда казалось, будто он чувствует прикосновение неких невидимых дланей. Он припоминал, что не раз целыми днями бродил по давно знакомым и изученным кварталам, не узнавая их. Иногда воскресным утром он прогуливался у богадельни или спускался по улице мимо храма Благовещения на Слупах и с удивлением понимал, что живет здесь с самого детства. Когда сияло солнце, отражаясь в истертых ступенях, в голову невольно приходили зимние вечера с заметенной снегом мостовой и мерцающими в лужах отсветами фонарей. Ему мерещилось, что на него наложены чары. В груди росло гневное желание разрушить их и преобразиться.

Он часто раздумывал, не трагична ли его душевная скудость. Им овладевала горечь, изливавшаяся в бессильных проклятиях; часами длилась мучительная опустошенность. Зденка об этом и не подозревала. Угрюмый, плотно сжав губы и подняв воротник пальто, шел он сегодня по городу к излучине Влтавы, туда, где она ждала его.

Он шагал по длинной, шумной улице, той самой, по которой многие годы ходил в школу. Здесь, по пути домой, он выкурил первую сигарету и здесь же вместе с чешскими мальчишками участвовал в побоищах, что устраивались на Виноградских шанцах. Он никогда не был вождем и героем, но также ни разу не струсил. Однако если вдруг удавалось угодить камнем противнику в лоб, сердце переполнялось полнокровным и тайным удовольствием. Повести о рыцарях и сказания о мореплавателях, что он читал дома, стали его маленькой, но истинной жизнью: к щекам и рукам приливала горячая кровь, от немого волнения перехватывало дыхание. С тех пор, в годы своей юности, он больше не чув-

ствовал ничего подобного. Тем не менее, слепые порывы, некогда заставлявшие его бежать после уроков на заброшенные шанцы и бросаться в битву, с годами неизмеримо усилились и распирали изнутри. Иногда его охватывал подспудный страх, даже ужас, что жизнь так и канет в песок. Стоило ему повзрослеть и начать самостоятельно зарабатывать на пропитание, как вокруг выросли голые стены рассудочности, сузив горизонты. Куда бы он ни посмотрел, взгляд упирался в привычную и рутинную повседневность. Рано утром он уходил в канцелярию и днем возвращался домой; оставшееся время спал. Он напоминал себе человека, стоящего с лопатой в яме. Он копал и отбрасывал, но мелкий, подвижный песок вновь и вновь осыпался, заполняя пространство.

Когда-то в детстве была у него одна книга, до сих пор не выходящая из головы, — первый том романа о Гуситских войнах. Второй том отсутствовал, впрочем, Северин его и не искал. Ему казалось особенно красивым, как, посреди великих свершений, заканчивалась эта книга. Были там цыгане, затаившиеся в скалах Чертовой стены близ Гогенфурта и грабящие суда; лихие вояки, обнимающие в трактирах девиц за игрой в кости; ночи, когда в лесах в лунном сиянии выкапывают корни мандрагоры. Был зачарованный сад, в котором горбатые гномы наводили морок на заплутавших путников, отворялись волшебные гроты, а железные львы с грохотом проваливались в глубины, стоило человеку к ним приблизиться. И в небе светилась кроваво-красная комета, и в Богемии бушевала война. Северин шел к Зденке, думая об этой книге.

На Карловой площади было тихо. Лишь несколько влюбленных парочек перешептывались под сенью деревьев. Северин расшвыривал ногами сухую листву. Электрические фонари зажглись и, подобно лунам, висели над кустами. Сквозь свет фонарей он силился разглядеть первые звезды. Его охватило угрюмое беспокойство, и он, как обычно, задержался в парке, хотя знал, что Зденка уже ждет его. Он снял шляпу, влажный воздух коснулся волос. На башне Уголовного суда пробили часы, их удары тягуче прокатились

по кронам. Северин слушал их с тяжелой душой. В нем теплилась тоска по яркой и полнокровной жизни, что была описана на страницах романа. Судьба, необычайная и неукротимая, предстала перед ним в ослепительном сиянии. За купами деревьев он почувствовал город.

Из сумрачного парка Северин вышел на соседнюю улицу. Вновь его слуха достигли шум и человеческие голоса. Где-то в глубине забрезжила мысль, что жизнь есть не что иное, как люди. Лишь игры с ними могли бы скрасить, наполнить и растормошить его существование. Кометы в ночи, потрясения, сердечные тайны. Со сладким трепетом вспоминал он об одном вечере, когда ему довелось посетить с приятелем представление чешского театра. Он никогда не был особо разборчив в подобных развлечениях. Навязчивая сентиментальность, столь любезная публике из мелких обывателей и невежд, бередила его чувства. Патетические жесты комедиантов, слезы и смех размалеванных актрисок, как ничто иное, пробуждали в нем горячие и дикие страсти. В тот вечер его внимание привлекла девушка, ранившая сердца своей обманутой любовью. В том, как она изгибала тонкое тело, в линиях ее шеи и плеч было нечто напоминающее Зденку. Тогда он вернулся домой в непривычном, неясном смятении. Оно походило на чувство, вселявшееся в него, когда он, сидя в ночном кафе, вслушивался в неловкие паузы смолкшей музыки или с нерешительным любопытством задерживался по вечерам на уличных углах. Он чувствовал: вот оно, где-то рядом, нечто столь сильное и ощутимое, что воздух вокруг начинал вибрировать, а сам он тщетно пытался нащупать это рукой.

Впереди показалась улица Фердинанда, ослепив блеском витрин. Было уже поздно, и Северин ускорил шаг. Он заметил Зденку, стоящую у Национального театра; ее милое лицо улыбнулось ему из толпы.

2

Когда Северин познакомился с Лазарем Каином, тоже стояла осень. Вверху Штепанской улицы, близ большого ботанического сада, Лазарь держал лавку. Пара потрепанных томов в тканевых переплетах да изъеденная рыжими пятнами коробка пожелтевших брошюр за стеклом витрины говорили прохожим, что здесь находится книжный магазин. Над дверями висела побитая дождем и снегом вывеска, на которой под именем владельца красовались выцветшие буквы надписи «Букинист».

Лавка была тесная, с низким потолком, и в ней деньденьской горела газовая лампа. Но зимой магазинчик мог показаться весьма уютным: в углу полыхала жаром железная печка, а Лазарь либо сидел за прилавком, перелистывая пузатые каталоги, либо учил всяким фокусам своего ворона Антона. В летние месяцы и ранней осенью покупателей почти не было. И тогда старый Лазарь поручал магазин дочери и отправлялся на прогулку по окрестностям. Маленькими шажками ходил он взад и вперед по улице, глядя на окна домов. Он был немного близорук, к тому же газовый свет в темной лавке еще более ослабил его зрение. Он рассматривал служанок, которые, разложив по подоконнику крепкие груди, вытряхивали пыль из половиков прямо на улицу. Кровь приливала к его желтому лицу, глаза хлопали. Или, остановившись под колонной святого Адальберта, он провожал взглядом нянечек из соседнего родильного дома. Рядом приютилось убогое заведеньице, торгующее «пойлом». Лазарь Каин помнил времена, когда там собирались медики и вечера напролет танцевали с акушерками. Да и сам он, бывало, наведывался туда и из уголка наблюдал за весельем. Сейчас трактир сменил хозяина, и днем в нем было по большей части пусто. Разве что пара чешских юнцов играла в кегли в запущенном саду да угрюмая официантка проносила мутное пиво в надтреснутых кружках.

Еще он частенько сиживал у костела святого Штепана, в кабачке, где подавали пльзенское пиво. Но и это место, когда он заходил сюда летним утром, было сложно назвать оживленным. Лишь к обеду оно заполнялось священниками из расположенного поблизости окружного викариата. Лазарь, скрытый зеленой шторой, оставался у окна и смотрел на стройные лодыжки спешащих по своим делам девушек. Не так давно он разменял шестой десяток, однако страсть к женскому полу не желала угасать в нем. Дома, на самых верхних полках магазина, для знатоков и лучших своих покупателей, хранил он самые ценные книги. Опасные и бесстыдные романы, французские и немецкие приватные издания, пикантные гравюры, редкие переводы времен Ретифа де ла Бретона. Он с особой нежностью относился к этим сокровищам, то и дело с наслаждением перебирал их, поглаживая тощими пальцами, и расставался с ними крайне неохотно и лишь за немалые деньги. Он с искренним сожалением смотрел, как покупатели держат их в руках, будто ему казалось, что из его дома уносят какую-то обожаемую вещь. Больше этих книг он любил только двоих — ворона Антона, старую и потрепанную птицу, долгие годы прожившую в его книготорговом предприятии, да дочь Сюзанну.

Именно в этом кабачке напротив церкви Северин познакомился с Лазарем Каином. Колокола на башне созывали к воскресной службе, и они оба смотрели на юных фрау, задумчиво проходящих мимо окон с молитвенниками в руках. Вот тогда Лазарь пододвинул свой стакан поближе к Северину и заговорил. Слова срывались с его губ, волнение все сильнее проступало на иссохшем лице, и под щетинистыми бакенбардами горели щеки. Говорил он о холодном и лишенном воображения характере нового времени и о том, что теперь жажда денег похоронила радость веселья. Его моргающие глазки блестели от жара тайного удовольствия, когда он живописал иной мир, столь милый его стареющему сердцу, — Францию восемнадцатого столетия. Его истории из эпохи «Оленьего парка» Людовика XV полнились красками и вдохновением, в голосе звенело завист-

ливое томление, когда он повествовал завороженному Северину о мадам Янус, гениальной сводница, чья смелость и изобретательность ошеломляли сам Париж.

«Такое больше не повторится», — сказал он, и в этих словах прозвучала настоящая печаль. Потом они немного посидели молча, но перед их глазами в полутьме кабачка проносились галантные чудеса ушедшего века; колокола снаружи онемели, и лишь разлитые в небе золотые отзвуки угасали вдали. Северин украдкой посмотрел на лысый череп Лазаря, успевшего отвернуться к окну, и задержал взгляд на испещренном бесчисленными морщинами еврейском профиле. В голове промелькнула догадка: этого человека терзает тот же недуг, что и его; он болен страстным непокоем и бежит от своего тесного и бестолкового существования в книги. Ему стало жаль старика, годами разменивавшего душу на мертвые картинки. Они поговорили еще чуть-чуть, и Лазарь рассказал о дочери и ручном вороне. А когда расставались, пригласил Северина наведаться к нему в лавку.

Северин воспользовался приглашением на следующий день. У печки на низком мягком табурете сидела Сюзанна. Погода все еще оставалась ясной, и букинист не зажигал огня. Однако с залитой солнцем улицы тянуло промозглым холодом. Сюзанна куталась в черную шаль, на страницах лежащей на ее коленях книги плясали отсветы газовой лампы. Лазарь, стоявший за прилавком, поздоровался с Северином, совсем не удивившись его приходу. Лысая макушка засверкала бликами, когда он склонился с лупой, рассматривая какие-то ценные раритеты. Северин терпеливо слушал пояснения, рассеянно глядя на Сюзанну. Она молча читала книгу. Ее темно-русые волосы разделял аккуратный пробор, на щеках лежали тени длинных ресниц. Она подняла голову лишь однажды и встретилась с ним глазами.

С тех пор Северин зачастил к Лазарю Каину. Мысли о молодой еврейке не давали ему заснуть. Сюзанна не была красавицей. Но в глазах ее горел настоящий огонь, противореча вечному спокойствию рта. Глубины бархатного взгляда были вероломно чисты, пленяя и прельщая Северина.

Так на него с ночных небес смотрели мерцающие звезды, когда он, истомленный неодолимой тоской, запоздало брел домой с прогулки. Северин искал встречи с этими глазами сквозь дым своей сигареты, глядя мимо плешивой птичьей головы ее отца и вспархиваний ворона, мечущегося из угла в угол в тесной клетке. Сюзанна предлагала ему себя с непостижимой серьезностью, ни разу не вступив в общий разговор и никогда к нему не обращаясь. Когда он заговаривал с ней, звучали краткие и холодные ответы, заставлявшие его злиться и замолкать. И тогда он пускался в болтовню с букинистом, позволяя тому хвастать старыми литографиями и гелиогравюрами.

Однажды днем, когда Сюзанна куда-то ушла, Лазарь пообещал Северину познакомить его с доктором Конрадом. В голосе его звучала нерешительность — он с осторожностью показывал Северину, насколько доверяет ему. В ответ на удивленные расспросы Лазарь рассказал о большом художественном ателье, устроенном в одном из новых домов, что выросли в преображенном районе вместо лачуг еврейского квартала. Здесь доктор Конрад на последние крохи своих некогда значительных средств снял мастерскую, однако использовал ее в иных целях. Пальмы в кадках и ковры придавали помещению экзотический вид, а пара багетных рам в углу, мольберт и стоящие у стены гипсовые головы намекали на род занятий жильца. В действительности доктор Конрад давным-давно не брался за палитру. Он часами лежал на удобном турецком диване с ароматной сигаретой в руке, а слуга то и дело подносил ему французский коньяк с сельтерской. Или слушал, как возлюбленная со скучающим видом перебирает струны мандолины. Она была светловолосой и избалованной, и звали ее Рушена. Во второй половине дня ателье заполняла толпа гостей: молодые господа в смокингах, мышино-серых панталонах и лакированных туфлях; стареющие прожженные бонвиваны в элегантных костюмах и с мундштуками из слоновой кости во рту; художники в широкополых шляпах и нечистых рубахах; натурщицы в шелковых блузках и узких юбках, любящие проводить свободное время с рюмками слад-

ких ликеров из запасов доктора. Иногда заглядывали барышни и дамы из высшего общества; одни смущались и терялись, другие вели себя с излишней дерзостью, но для каждой эта чужая, вольная жизнь обладала многообразной привлекательностью. Об этом и поведал Лазарь Северину, а тот не мог не заметить, как дрожат от сдерживаемого волнения пальцы старика.

Когда Северин опять оказался на улице, навстречу ему из вечерних сумерек вышла Сюзанна. На лице ее заиграла улыбка, от которой по телу Северина вдруг пробежала дрожь, как от испуга. Он механически взял ее за руку, почувствовав тепло, но не сопротивление.

— Пойдемте, — сказала ему Сюзанна, и вновь ее губы расцвели в улыбке. Он последовал за ней в дом, вверх по темной лестнице. Здесь он поцеловал ее в шею, сзади, над воротником платья.

— Ваш отец внизу, в лавке, — сказал он.

Сюзанна лишь кивнула в ответ и повела его дальше через коридор, к себе в комнату.

3

Прошлой зимой в морозный вечер в Северина влюбилась Зденка. Они шли по одной и той же улице, бездумно прогуливаясь средь спешащей толпы. У обочины выстроились несколько сверкающих красными глазками-угольками тележек торговцев каштанами. Там и здесь в свете фонарей медленно опускались одинокие снежинки. Заметив их, Зденка подумала о светлокрылых мотыльках, порхающих летом возле зажженных ламп. Она ничуть не смутилась, когда Северин с ней заговорил. Даже задорно рассмеялась, а стоило ей взглянуть на его красивое, разрумянившееся от холода мальчишеское лицо, как на душе стало совсем легко и весело. И они отправились бродить по городу вместе. Вместе рассматривали они забавные вещицы в витрине магазина игрушек, где по настоящим рельсам катался паровозик, и глазели на чучело тигра, выставленное на обозрение для рекламы ковров. Потом задержались у заледенелого окна гастронома, не в силах оторвать взгляд от золотистых шпрот, мерцающих в белом деревянном ящичке. Северин купил ужин на двоих, и девушка последовала за ним в его холостяцкую каморку.

Зденка работала до шести вечера в конторе. Ее родители умерли, и она жила в одиночестве в комнате на Староместской площади. Во времена своей безрадостной юности она была предоставлена самой себе и успела несколько раз довериться незнакомым мужчинам — и сейчас, между поцелуями, со слезами призналась Северину, что он не первый, кому она дарит свою любовь. Он великодушно принял ее трепещущую нежность и позже, увидев, как ее вечерняя игривая веселость сменяется растущей страстью, ничуть не пожалел об этом решении. Она стала утешением для его скучающего сердца, но оно так и не затрепетало от ее доверчивой и чистой любви. Он слушал, как Зденка певучим альтом говорит о счастье, и радовался неуклюжей искренности выбранных ею слов. Но в глубине души Северин оставался холоден. В девушке не было ни единой искры все-

поглощающего пламени, той вспышки молнии, что жаждала его душа. Хорошенькая и мечтательная, она не несла в себе ни пыла, ни фатума и не могла заинтересовать его.

Но для Зденки Северин стал настоящим чудом. Она схватилась за него с неистовой силой в первый же вечер, когда он на краткий час привел ее с улицы домой. Побывав там однажды, она влюбилась в него до помешательства, робко, но беспредельно. Славянская кровь, что бурлила в венах ее народа, порождая ненависть и мятежи, обратилась внутри нее в половодье, сорвав все шлюзы. Зденка сама испугалась, что не совладает с порывом, и внимала чувствам с восторгом и ужасом.

Для нее настали прекрасные дни. Она бродила по городу с Северином, как за долгие годы привык делать он. Теперь Зденка обрела способность чутко прислушиваться к шорохам и отдаленным зовам — это было его умение, и он передал его ей. Она закрывала глаза и позволяла ему вести себя, узнавая улицы, вдоль которых они шли, по запаху брусчатки. Он открыл ей единообразную красоту пригородного пейзажа и трепет пред Вышеградом с его высокими башнями и статуей святого Вацлава. Она научилась любить Влтаву в сумерках, когда отражение фонарей с набережной мерцает в зыби вод и от подвесных мостов идет смоляной дух. Она сидела с Северином в кабачках Мала Страны, околдованная горделивой неторопливостью стариков, потягивающих пиво из кружек. Густой табачный дым бесцветным серым туманом окутывал арочные своды низкого потолка и портреты Наполеона на стенах. С Северином была она на Викарке в Градчанах, где, если чуть отойти от собора, можно лицезреть всю его высоту, и причудливо украшенные стены, и каменные фигуры в нишах. Понемногу Зденка поняла тихий говор города, к которому Северин оказался привычнее, чем она, чешская девушка. Ей открылось, что среди потемневших от времени стен, меж башен и дворцов, в этой небывалой холодности, в Северине живет затаенная фантазия, заставляющая вновь и вновь выходить на улицу с чувством, что сегодня его обязательно встретит Судьба.

Пришла весна, за ней — лето. Зденка ходила с Северином в парк к пруду и кормила лебедей. Порой они уезжали на пароме в Трою. Проходили через ворота защитного вала и оборонительные укрепления к Панкрацу и усаживались бок о бок на скамейку у каменного стола в саду, где когда-то, в период Богемских войн, искал отдохновения одноглазый Жижка. Оттуда была видна тюрьма, похожая на городок среди чистого поля; на лужайках вокруг нее взмахивали лопатами заключенные. За одноэтажными домишками бежала дорога к соседней деревне и в лес. Мелодии шарманки смешивались с шумом тополей и завыванием ветра в телеграфных проводах. Сюда приезжали отдыхающие, и их фиакры поднимали клубы пыли с наветренной стороны. Иногда Северин и Зденка наведывались в придорожный трактир «У зеленого лиса». Северин был еще ребенком, когда это заведение прославилось отличным пивом и превосходной кухней, и многие немцы специально захаживали сюда. Каждое воскресенье здесь были танцы, и над входом развевались красно-белые знамена. Чуть дальше вертелась карусель. Зденка с Северином нередко забирались в одну из ее позолоченных гондол и катались. Человек в высоких сапогах бил в барабан, визжали дети. Играла баркарола из «Сказок Гофмана».

Зденка ценила эти часы. Она старалась не замечать, как Северин дерзит ей или недовольно умолкает, и воспринимала каждую его улыбку как награду. Но осень уходила прочь, а Северин становился все отстраненнее, и ею, как никогда ранее, овладевала робость. Случалось так, что она целыми днями не видела его. Тихо и печально она шла домой и одиноко сидела в своей комнатушке. На большой площади под ее окном суетился народ, только прислуга останавливалась посудачить на углах. Зденка ждала, пока совсем не стемнеет, и лишь тогда зажигала свет.

С непонятной и бесцельной жестокостью Северин рассказал ей о Сюзанне. Холодным взглядом искал он в ее чертах искру ревности, пока подробность за подробностью разворачивал перед ней свое приключение. Ему не понравилось, что ее любовь осталась такой же истовой и непоколе-

бимой и с губ ее не сорвалось ни единого упрека. Ему вспомнилась актриса, похожая на Зденку, и пьеса, в которой он видел ее. Слабая и хрупкая, стояла она на подмостках и содрогалась от ударов судьбы! Здесь же не происходило ничего подобного. Лишь на миг по девичьему лицу тенью скользнула боль, но он не успел понять, не померещилось ли ему это.

Они все реже и реже встречались по воскресеньям, а когда виделись, по большей части просто ходили по городу, глядя на последние осенние цветы. Железные скамейки парка, стоящие на сыром песке, стали никому не нужны, киоски с содовой опустели. Как-то они отправились по канатной дороге на Газмбурк. Зденка задержалась перед изображениями Голгофы на перекрестке, где каждый год в Страстную пятницу молились люди. Поблизости высился костел святого Лаврентия. Сверху они посмотрели на город в сгущающихся сумерках. Ветерок вяло гонял сухую листву по каменным желобам вдоль тротуара. Зденка давила ногой белые ягоды, опавшие на землю с кустов. В детстве ей нравились щелчки, с которыми они лопались. Им навстречу попался солдат с девушкой: склонившись к подруге, он поцеловал ее. Зденка брела рядом с Северином, чуть не плача.

4

Ателье доктора Конрада уже полнилось гостями, когда Лазарь Каин привел туда Северина. Их тут же оглушили голоса, раздававшиеся из табачной дымки: непривычная смесь разговоров на немецком и чешском, манерный смех женщин. За столиком в углу собрались разодетые натурщицы и развлекались игрой в итальянские кости. Небрежно прислонясь к дверному косяку, стояла необыкновенно стройная дама в черном бархатном платье и, беседуя с белокурой Рушеной, оглядывала салон. Северин мгновенно узнал ее. Перед его мысленным взором живо и ясно, как будто все произошло только что, предстала виденная когда-то картина, о которой он почти успел позабыть. Как-то днем, когда он был школьником, за год перед выпускным, во время каникул он прогуливался по улице Фердинанда, куда обычно выходил на променад весь пражский свет. Там ему попалась она — с огромным, кроваво-красным страусовым пером на шляпе, со своею необычайно изящной фигурой и чарующе-опасной улыбкой, которую потом он видел лишь однажды, на полотне с кающейся Магдалиной. Ей навстречу вышел красивый молодой человек и поцеловал ее обтянутые перчаткой пальцы. Эта сцена надолго запечатлелась в голове Северина и сейчас всплыла в сознании: по-праздничному оживленная улица, тихий шорох резиновых шин экипажей на мостовой и посреди сутолоки из людей и туалетов исполненное благородства движение, с каким незнакомка протянула юному денди руку для поцелуя. Он видел ее еще несколько раз, мельком и смутно, и больше никогда не встречал. Она пела в Национальном театре и одно время пользовалась особым расположением публики. Каин, заметив его неотрывный взгляд, тут же поведал ее историю. Она заразилась некоей болезнью от любовника и потеряла голос. Затем она пыталась выступать на провинциальных сценах, но наконец и это стало невозможным. Сейчас она вновь жила в Праге, и Каин уже встречал ее в салоне доктора Конрада.

В этом кругу не было принято представлять гостей друг другу. Все приходили и вели себя свободно. И тем не менее, когда хозяин дома поздоровался с новоприбывшими, Северин попросил познакомить его с дамой в черном. Доктор Конрад назвал ей его имя, Северин поклонился. Он не отрывал взора от ее изящных черт, ища в них признаки торжественности момента. Затем взял ее протянутую руку в свою и поцеловал. Она удивленно взглянула ему в глаза и улыбнулась. Однако не той улыбкой, какую он ожидал. Уголки бледных, без следа помады, губ лишь слегка приподнялись, неестественно и равнодушно.

— Где же ваша шляпка с красным пером? — спросил Северин.

Она изумленно ахнула, подняла голову и осмотрелась, словно очнувшись ото сна. Затем медленно и тихо ответила ломким, с легкой хрипотцой голосом:

— Шляпка с красным пером... моя давняя утрата...

* * *

Весь вечер Северин держался рядом с Карлой. Развеселившиеся гости шумели все сильнее, а блондинка Рушена, аккуратная и ухоженная, как куколка, взяла в руки мандолину. Натурщицы оставили игру в кости и теперь болтали за столом, поедая бутерброды и запивая их шампанским, поданным слугой. К ним присоединился Авель Каин и развлекал девиц анекдотами. Некоторые господа явились в ателье со спутницами, и те, расположившись в удобных креслах, пережевывали угощение, сверкая ножками из-под коротких подолов. Один немыслимо худой человек в модном сюртуке и с элегантными манерами сидел около доктора Конрада и предсказывал всем желающим будущее по линиям ладони. Северин тоже подошел к нему, желая заглянуть в грядущее. Тощий гость внимательно посмотрел на него из-за круглых очков и задержал протянутую руку перед своим лицом дольше, чем проделывал с другими.

— Вы пережили нечто невероятное, — сказал он, вновь глянув на линии, — совершенно невероятное, я прав?..

— Ничего подобного со мной не случалось, — ответил Северин и убрал ладонь.

— Значит, вот-вот случится... Линии вашей руки приводят в трепет.

Северин вернулся на место и вновь устроился рядом с Карлой. Он злился на себя за то, что поддался искушению и пришел сюда с букинистом. А тот вольготно расселся рядышком со смеющимися девицами и веселился от души. Его угловатые плечи сотрясались, лысый череп мелко дрожал. Северин с отвращением и печалью прислушивался к царящему вокруг гаму. Табачный дым широкими лентами поднимался вверх, окутывая лампы, свисающие на искусно сработанных цепях с потолка. Доктор Конрад расхаживал между компаниями и с преувеличенным славянским гостеприимством разыгрывал из себя хозяина. Это был крупный бородатый мужчина лет тридцати или около того. Под смокингом он носил цветастый жилет с синими пуговицами. Умное лицо отличалось немного варварской красотой. Северин наблюдал за ним, гадая, почему человек, которого все по какой-то странной причине величают доктором, предпочитает проводить дни в дорогостоящих и бессодержательных кутежах. Его не задевал эротизм обстановки, и он равнодушно смотрел на двух натурщиц, фривольно задравших юбки до колен, на красотку Рушену, напевавшую сентиментальные песенки под невнятное бренчание мандолины, на опьяневших от шампанского девиц и старика Лазаря, потчевавшего их каламбурами. Северина, как никогда прежде, томила жажда истинной жизни с ее радостями и печалями, с ее ежедневными грозами. Ведь он познал только лишь ее суррогат, коим должен был довольствоваться: отношениями со Зденкой, неспособными перерасти в нечто большее, заигрываниями с Сюзанной и наконец этой пустотой салона Конрада, в котором он, переполненный злобой, сидел подле изящной Карлы. Северин разглядывал ее со стороны, изучая в тонких чертах ее лица следы, оставленные переменчивой судьбой. Он знал, что и она вскоре

будет принадлежать ему, ибо в нем была заключена некая сила, влекущая женщин и заставляющая их целовать его сомкнутые молчанием губы. Еще он не преминул заметить, как все дамы вокруг улыбались ему глазами с поволокой; даже светловолосая Рушена бросала на него горячие взоры. Рядом с ним, на мягком подлокотнике, лежала изящная рука Карлы, чьи пальцы некогда прижимал ко рту красивый кавалер. Карла познала театр и жизнь. Северин принялся спрашивать, возможно ли сотворить искусственное бытие, неотличимое от настоящего, и существовать в нем. Нельзя ли сочинить из дней трагедию или оперетту с меткими и звучными репликами? Что тогда есть сцена? Неужто на свете правит бал лишь одна игра, в которой плачут и ликуют люди, совершаются преступления и страх бьется крылами о бумажные стены? Или же все сложно, и судьбы творятся из душевных порывов и по своеволию сердца, для себя и для других, подобно тому, как из дерева и бумаги вырастают театральные декорации?

Но Карла лишь тихонько покачала головой.

— Зачем? Почему?.. Все происходит само по себе...

— Нет же! Нет! — вскричал Северин. — Это не так!

Этим криком он с горячечной тоской, знакомой многим, обвинял всё и вся — и его слова эхом прокатились по задымленному пространству ателье. Стало тихо, разговоры смолкли. Собравшиеся уставились на Северина. Рушена отложила инструмент в сторону, взгляд ее застыл на его искаженном страстью лице. Карла провела нервными пальцами по черному бархату платья и чуть склонилась к нему. Сквозь хрипотцу ее изломанного голоса хрустальным звоном пробилась блистающая краса прежних дней. Она говорила о той яркой жизни, в которой носила шляпу с красным страусовым пером. О своем возлюбленном, юноше, когда-то виденном Северином на улице. Говорила о мимолетности счастья и его обратной стороне. Говорила шепотом, с запинками, но на ее губах играла чарующая улыбка Магдалины, что Северин тщетно прождал весь вечер.

И тогда его охватило лихорадочное веселье. Он поднял бокал, прикоснулся им к бокалу Карлы и выпил. Потом на-

чал безостановочно вливать в себя холодное игристое вино, пока салон не поплыл хаосом фигур и лиц, а Рушена, разметав фальшивые локоны, не принялась в вихре юбок отплясывать канкан на ковре посередине комнаты.

5

С той поры между Николаем, развлекавшим гостей салона доктора Конрада искусством гадания по руке, и Северином установилось что-то вроде дружбы. Нечто неясное и неуловимое в личности молодого студента привлекало Северина и заставляло искать его общества. Никто не мог сказать ничего определенного про Николая, приехавшего в Прагу несколько лет назад изучать философию в университете. Он играл в футбол и теннис на спортивных площадках Бельведера, не раз его видели у пристаней гребных клубов на Влтаве. Вечера он проводил в городских кафе, часами играя в шахматы с самыми разными людьми, и между делом потягивал через тоненькую соломинку бесчисленные стаканы шведского пунша. Говорили, что он богат, владеет большой и ценной библиотекой, проводит много времени среди художников и увлекается оккультизмом. В его с изяществом и отменным вкусом обставленной квартире было множество замечательных и необычных вещиц: бронзовые статуэтки сидящего Будды, медиумические рисунки в металлических рамах на стенах, скарабеи и магические зеркала, а еще портрет Блаватской и самая настоящая церковная исповедальня. По слухам, однажды в его комнате таинственным образом погиб человек. Свидетелей происшествия, однако, не находилось, но судебное расследование установило, что Николай показывал гостю револьвер, красивый и дорогой, и оружие неожиданно выстрелило, убив посетителя. Дело против Николая быстро прекратили, но злые языки еще долго толковали о некоей даме из общества, имевшей несчастье с ним связаться, о непреднамеренном убийстве в драке и об американской дуэли; Николай, в свою очередь, никогда не подтверждал и не опровергал эти сомнительные слухи.

Рассказ о загадочной смерти молодого человека произвел на Северина неизгладимое впечатление. Проводя со своим новым знакомым вечера в той самой квартире и смакуя крепкий алкоголь, подаваемый хозяином в матовых бо-

калах, Северин всматривался в его худое лицо, не скрывая благоговейного ужаса. Снова и снова взгляд его падал на изящный письменный столик, где между книг и бумаг лежали остро заточенные кинжалы, а за желтым латунным блеском замков могло таиться оружие, успевшее принести смерть в эту комнату. Смерть. Было в глухом звучании этого слова нечто более соблазнительное и многозначное, чем сонные речения безопасной жизни. Оболочку души Северина начал подтачивать коварный червячок зависти и остался там, отравляя темными сомнениями. Он завидовал Николаю, равнодушно поигрывающему надетым на палец перстнем с опалом и болтающему о журналах и книгах, в то время как под ногами лежал ковер, возможно, хранящий высохшие пятна крови погибшего здесь человека. В Николае чувствовалось превосходство того, кто надежно и мудро закрылся от мира и, несмотря на юные годы, не мечется в поисках себя, как происходило с Северином.

Карла тоже иногда заходила с ним к Николаю. С вечера знакомства с Северином она начала следовать за ним по пятам, подстраивая все таким образом, что встречались они чуть не каждый день. Для ее чувствительного, много повидавшего сердца он был новой, пока неведомой страстью, и страсть эта охватила и покорила Карлу. Она добивалась его с неизменной пылкостью, с истинной и естественной тоской выстраданного опыта, с отточенным изяществом отчаянного кокетства. Да и Северин оказался не в силах противиться очарованию ее личности, хотя догадывался, что все происходит так же, как случалось с ним ранее. Сперва на какой-то миг ему показалось, что душа его стоит на пороге неизведанного, чему пока нет названия. Потом их дрожащие пальцы соприкоснулись, все озарилось дивным золотым сиянием, и Северин застыл, боясь пошевелиться, ибо почувствовал пленительную красу мира вокруг. А затем пришли часы, когда волшебство поблекло. Он ощущал эти изменения с прискорбием и печалью. Он смотрел на свет в глазах Карлы, на ее тонкое, грациозное тело, красивые руки. Смотрел, как на землю опускаются бледные и неверные сумерки, ломая тени, и понимал, что чуда больше нет. То-

гда он поцеловал Карлу в губы и взял ее, как до того взял Сюзанну или взял бы Рушену, предложи она ему себя.

Северин поговорил с Николаем о том, что у него на душе. Рассказал, что творится в голове, когда он по утрам сидит в конторе над серой бумагой счетов, а голая электрическая лампочка бросает отсветы на сырые чернила. Рассказал о книге, прочитанной в детстве, о страхе, временами охватывающем его, когда он стоит перед закрытыми дверями собственной квартиры и никак не осмеливается отворить их, точно перед ним труднейшая задача. Он посвятил товарища в свои любовные похождения, поведав обо всем, что только удалось припомнить, обо всем, что происходило с ним в этом отношении горячечными ночами в барах и пригородных кафешантанах. Его мысли опять и опять возвращались к страстям, переворачивающим сердце, заставляющим совершать великие и безрассудные поступки, отчего женщины бросались во Влтаву, а мужчины приставляли пистолет ко лбу. Однажды ему довелось увидеть, как плотогоны достали из воды у набережной в Подскали женский труп. Это была девушка, из простых, вероятно, горничная или батрачка, в сыром платье, плотно охватившем окоченелое тело, облепившем мощные бедра и круглые груди. Северин подошел как раз тогда, когда вокруг трупа уже столпился народ, а полицейский начал составлять протокол. Он вглядывался в сведенное смертельной судорогой лицо и посиневшие губы, спрашивая себя, что за жизнь была у погибшей и какие страдания и скорби привели ее к подобному концу. Каждый день в газетах ему попадались заметки о самоубийствах. То двое запрутся в гостиничном номере и застрелятся, то девушка примет яд и умрет в страшных муках. Юноши, почти мальчики, школьники пятнадцати лет, кончали с собой, потому что были не в силах более выносить эту жизнь. Северин не понимал такого. Но недоуменно и одиноко продолжал следить за длинной вереницей несчастных, умирающих из-за ненависти или любви, — каждый день читал он судебные очерки о тех, кто сломался, не выдержав потрясений, преподнесенных им судьбой. Счет жертв и победителей в этой борьбе рос на гла-

зах, и теперь Северин знал, что рядом с ним по улицам ходят люди с пожаром в душе, азартные игроки, ставящие свое счастье на карту, и банкроты, которым это уже не дано.

Николай задумчиво выслушал его, попутно обрабатывая кожицу у основания отполированных ногтей палочкой из слоновой кости. И когда Северин поведал ему о Зденке и Сюзанне, о женщинах, которых ему довелось познать, о том, как напрасно ждал в объятиях кельнерш, в постели еврейки и в лобзаниях с Карлой, когда же закипит его кровь, Николай сказал:

— Эти женские штучки не для вас. По-моему, вас ожидает нечто большее...

Северин опешил. Он вспомнил странное предсказание, произнесенное Николаем, читавшим судьбу по руке во время их первой встречи в ателье доктора Конрада. Сердце его забилось, и он с волнением и дрожью ощутил смутную близость судьбы, к которой так стремился и которую пока не успел узнать.

6

Совершенно неожиданно пришла зима. Как-то утром Северин вышел из дома и обнаружил, что крыши и дороги побелели и снег кружит в воздухе, синем от последних ночных сумерек. Было восемь часов, и торговцы шумно и хлопотливо открывали лавки. Ветер задувал холодок в заснеженные переулки, и Северин поежился в своем тонком пальтеце. Удивленный, он неспешно побрел окольным путем в контору. Впервые за многие годы ему подумалось, что снег пахнет яблоками, долго пролежавшими между окнами. С самого детства он обладал особой чувствительностью к запахам, характерным для вещей и времен. Он вспомнил, как после возвращения с каникул заходил в класс и в нос ударяло влажным меловым духом. Он радовался проникавшему сквозь дверные щели аромату оттепели после затянувшихся морозов и наслаждался благоуханием капели, льющейся сверкающими потоками с деревьев и крыш, более мягким на солнце, чем в тени. В детстве разнообразие ароматов наполняло его жизнь радостью, запахи могли привести в восторг или огорчить, по ним узнавал он об изменениях в погоде и о смене сезонов. Сейчас его сердце пело от того, что осень осталась позади и пришла зима. Он видел: грядет что-то новое, он давным-давно предчувствовал это.

Он тихо сидел в бюро, спрятав голову за высокую откидную крышку конторки, и сквозь грязное оконное стекло смотрел на белые звездочки, опускающиеся на землю. По пути домой Северин наткнулся на рождественский киоск. Деревянные черти высунули алые тканевые языки, на углу красовались целые кусты из позолоченных прутьев с кричаще яркими бумажными цветами на них. На лаковых зеленых дощечках стояли святые Микулаши в жестких одеяниях и с ватными бородами.

Вечером он отправился в Старый город на праздничную ярмарку. Пестрый люд толкался среди пряничных всадников, медных труб и цветных барабанов, девушки пароч-

ками пробивались сквозь толпу. Фонарики горели над разложенными лакомствами и отбрасывали зыбкий свет на красные тюрбаны торговцев турецкими сластями. У шатра балагана стояла Зденка и глазела на мавра, восседавшего за кассой и собиравшего деньги за вход. Со времени их последней встречи прошло много дней. Она вскрикнула от испуга, когда он неожиданно прикоснулся к ее предплечью.

— Ты... ты... — попыталась выговорить она, и ее красивый голос, искаженный долгими рыданиями, дрогнул. Теперь уже она взяла его за руку и повела в сторону от ярмарочной суеты, на тихую улочку. В свете фонаря Зденка принялась вглядываться в его лицо, и он не мог не заметить, как она осунулась и погрустнела. Ее нос истончился и заострился, как у больной, губы поблекли. Но она по-прежнему оставалась милой: и с этой грустью во взгляде, и с тенями, залегшими под широко распахнутыми глазами, хотя раньше он такого не замечал. Она хотела что-то сказать ему, но не могла. Так и стояла перед ним, растерянная и беспомощная, одурманенная любовью, а в душе Северина сострадание соседствовало с самодовольной радостью, вспыхнувшей при виде чужой боли. Он начал сравнивать Зденку с той актрисой из спектакля, которую всегда вспоминал, когда они виделись. В голове забрезжила мысль, что представление вот-вот закончится и падет занавес. Он погладил Зденку по щеке и коснулся волос над ее лбом — и в движении его вдруг проскользнуло нечто вроде нежности прошедшего лета. И тогда, издав скорбный вскрик, Зденка опустилась на землю и обняла руками его колени.

— Северин...

Прохожие, возвращавшиеся с ярмарки домой, невольно остановились неподалеку, не в силах оторвать взгляда от рыдающей на тротуаре девушки. Северин высвободил ноги из ее объятий и решительно зашагал прочь.

* * *

В комнате молодого Николая имелся потайной шкафчик, украшенный драгоценными камнями и мозаикой. Както Северин спросил, что там, и Николай достал из кармана изящный ключ и открыл его. Внутри оказались заботливо упакованные и сложенные стопками упаковки с красными шариками опиумных таблеток, ядовитые порошки в крошечных колбах и священный индийский гашиш в плоских аптечных коробках.

— Моя дражайшая коллекция, — сказал Николай.

Ошеломленный Северин надолго застыл перед распахнутым шкафчиком. Он ощупывал пытливым взглядом находящиеся в нем ценности, таящие секреты чужих культур: вещества, приносящие мечты и видения и пробуждающие бурление в крови, яды, влекущие смерть. Ноздри ласкало их томительное благоухание. Николай с улыбкой смотрел на его напряженное лицо, а потом достал из глубины синий флакон со стеклянной пробкой.

— Это верное средство, — сказал он. — Однако соблюдайте осторожность...

Под отполированным горлышком Северин увидел сухие, схожие с глиной, крошки.

— Что это? — спросил он.

— Китайская отрава.

— И вы хотите отдать ее мне?

Николай медленно сомкнул створки шкафчика.

— У меня еще есть. — И повернул ключ.

* * *

Спускаясь по лестнице, Северин столкнулся с Карлой. Тщетно прождав его немало дней, она как раз направлялась к Николаю, подумав, не там ли он. Подол ее черного бархатного платья волочился по ступенькам, и на несколько мгновений ее необыкновенно прямая фигура застыла перед Северином, а неподвижное, обращенное к нему лицо побледнело, будто она решилась на что-то.

— Где ты пропадал?

Северин посмотрел ей в глаза, потемневшие и невидящие, и прочитал в них страх потерять его. Затем он окинул взглядом ее всю, высокую и царственную, выросшую перед ним на каменной лестнице, подобно чужеземному, исполненному тоски цветку, и понял, как она прекрасна в эту секунду. Ее губы хранили воспоминания о поцелуях, коими он упивался совсем недавно. Но теперь они стали для него прошлым, с которым давно покончено и которое более не волнует душу. Мучительно, словно все ему только снится и он подыскивает слова, чье значение ускользает от него, Северин произнес:

— Иди домой, Карла... Я не люблю тебя больше.

Ее рука отпустила перила. В открытую дверь подъезда ворвался порыв ветра и заставил их вздрогнуть от холода.

— Иди домой, — повторил он и зашагал прочь, как недавно, не оборачиваясь, ушел от Зденки.

У себя в комнате он некоторое время постоял в потемках. В кармане нащупал бутылочку, вобравшую тепло его тела, и почувствовал, как холодны руки. Затем зажег свечу.

На столе лежало письмо. На конверте неровным и сладострастным женским почерком было выведено его имя. Должно быть, послание доставили, пока Северин был у Николая. Он открыл его и сразу посмотрел на подпись. Не читая, он поднес письмо белокурой Рушены к пламени свечи.

7

Стоило Северину получить порошок из шкафчика друга, как им завладело неизбывное беспокойство. Он опять замкнулся в себе, перестав с кем-либо общаться. Не ходил к Николаю, много недель не видел старого Лазаря. В последний раз они встречались в тот день, когда столкнулись на улице и вместе отправились в салон доктора Конрада. Он больше ничего не слышал о Сюзанне. Не получал вестей с того осеннего вечера, когда она неожиданно разожгла в нем пламя и отвела в свою комнату. Он старательно обходил лавку ее отца стороной, считая все прихотью и случайным порывом. Северин боялся, что воспоминание о девушке выродится в проходной эпизод и начнет вызывать раздражение. Им овладели смутные желания сибарита, ухитряющегося взирать на собственную жизнь со стороны. Его устраивало, что Сюзанна не ищет с ним встречи; с Карлой и Зденкой было покончено навсегда. Трепет томления ни на миг не оставлял его смятенную душу. Теперь, вернувшись днем из бюро домой, он, как раньше, погружался в отупляющий многочасовой сон. Ночью бодрствовал, лежа в постели и буравя взглядом темноту. Он считал удары часов за стеной у соседей и боролся с овладевающим им страхом. Утром с воспаленными глазами Северин шел в контору.

Случалось, он вставал среди ночи и одевался. Он был не в силах долее лежать в развороченной постели в тисках узкой и длинной комнаты, не желающей отпускать от себя мрак и остававшейся темной даже тогда, когда небо снаружи окрашивалось лучами восхода. Нередко, во втором или третьем часу ночи, он закрывал за собой двери квартиры и спускался по неосвещенной лестнице на улицу. Город, исхоженный им вдоль и поперек днем и по вечерам, обладал неведомой и безгласной властью над ним. Он выводил Северина из кошмара снов в свои объятья. И Северин, поеживаясь от холода и зажав в зубах потухшую сигарету, шествовал мимо спящих домов, глядя, как гаснут последние ог-

ни в окнах, и вслушиваясь в песни возвращающихся домой гуляк и в тяжелую поступь ночных патрулей. Когда-то и он частенько шел домой по ночам, разгоряченный вином и оглушенный шумом трактира. Однако он не мог не замечать, что сейчас все по-иному. Разум его оставался ясным и чутким; он видел, как ночь меняет вещи вокруг и они начинают жить второй, отличной от дневной, жизнью. Видел, как скучные безлюдные площади преображаются в меланхолические пейзажи, а узкие переулки превращаются в сочащиеся влагой крепостные темницы. Этот ночной непокой доводил его до самой городской окраины с ее бесконечными рядами казарм, выстроившимися впритык друг к другу, в Пятый округ, где легко заплутаться среди безликих современных улиц даже средь бела дня. Остатки бывшего еврейского квартала кое-где еще выглядывали из темноты; монастырь Братьев Милосердия громадой нависал над подступающими к нему новыми домами, не успевшими сбросить леса. На площади Франтишека у набережной горели два одиноких фонаря, и речные волны тяжело и монотонно бились о мост.

В ночных заведениях музыканты играли на хрипатых скрипках. Не раз Северин задерживался у мутного окошка, глядя в щель между портьерами. Он слышал, как на зеленом бильярдном столе сталкиваются шары, а в буфете звенит посуда. Двери открывались, и до него доносился пресный запах варева. Зима выдалась холодная, и он засовывал руки с до боли заледеневшими суставами поглубже в карманы. Бывало, он шел на звуки музыки. Заказывал горящий пунш и держал пальцы над голубым пламенем. От застоявшегося табачного дыма щипало глаза, но тепло помогало расслабиться.

Почти всегда он прятался от холода в одних и тех же местечках: в «Белом венке» на Фруктовом рынке, где гости спали прямо за столами, уронив головы на сложенные руки; в «Нычке» на Малой Карловой улице — он не раз оказывался там единственным посетителем; или в русской кофейне на границе между Прагой и Виноградами, куда любили наведываться чешские студенты. Эти заведения были

знакомы ему со времен былых похождений. Теперь он сидел там, чужой и неприкаянный в мире, казавшемся нереальным и механическим, сидел в закусочных, открывавших взору всю глупость убогого веселья, в кафе с обитыми красным бархатом стульями, с посетителями, выглядящими как официанты, и официантами, смахивающими на посетителей. Он посмеивался над самим собой, вспоминая, как однажды пытался утолить здесь душевный голод. Прошли годы, но голод остался прежним. Даже стал горше, требовательнее, неумолимее. Его тревожная бессонница не имела ничего общего с лихим угаром давних дней, да и безразличие, парализующее его сейчас, не было похоже на то, что читалось на лицах кокоток, скучающих за мраморными столиками или подходящих к нему с предложением выпить чашечку чая. Он не знал, сколько ночей провел, кружа по городу и заходя в места, открытые до утра, но чувствовал, что кружит и кружит вокруг одной точки, будто посаженный на цепь зверь. И тогда с бессознательным ужасом он ощупывал карман, в котором хранил флакон с ядом. Както зимой, после бессонной ночи, он на рассвете зашел к Николаю.

Было довольно рано, когда звук дверного звонка торопливо и раздосадованно прокатился по коридору. Николай еще лежал в постели и принял гостя с откровенным изумлением. Однако, увидев обреченное, с залегшими под глазами тенями, лицо Северина, протянул ему руку.

Николай спал в будуаре. Он с присущим ему изящным вкусом собрал в одной комнате сотни образчиков разных видов искусства, отчего помещение скорее походило на роскошное гнездышко куртизанки, чем на спальню холостяка. С потолка свисала серебряная лампа; свет горел в ней за медово-желтыми стеклами. Яркие шелка и парча покрывали низкие столики и стулья. Темные бронзовые статуэтки, коробочки из сандалового дерева и японские расписные вещицы соседствовали с изысканной посудой и шкатулками, чашами для причастия и азиатскими безделушками, а также огромным, почерневшим от возраста канделябром с семью толстыми церемониальными свечами. Сквозь готичес-

кую вязь занавесок проникали первые блеклые лучи зимнего утра. Взгляд Северина проследовал через всю большую комнату по-над тусклым узором обоев туда, где в золоченой кровати сидел, приподнявшись, Николай. Было видно, что Северин не совсем понимал, почему оказался среди этой чувственной и богатой обстановки. Наконец он с криком бросился к протянутой руке товарища. В голосе читалось все его горе, все страдание. Он опустился на колени перед постелью и спрятал голову в подушку.

— Николай, — воззвал он, — скажите... как... как... вы однажды убили друга...

Николай посмотрел на него и увидел сведенное неизъяснимой судорогой тело. Лицо его раскраснелось и исказилось от ужаса. Рука взмыла вверх, ладонь раскрылась. С мучительной, жалостливой скорбью он вновь и вновь восклицал:

— Северин! Северин!

8

Доктор Конрад был мертв. После буйной ночи, когда гости собрались у него в последний раз, он пустил себе пулю в голову. Жизнь его не несла в себе особого смысла, и так же бессмысленно к нему пришла смерть. Он лежал на полу рядом с турецким диваном среди разбитых бокалов и брошенных окурков, все еще влажных от пролитого вина. На паркет из маленького отверстия в виске бежала струйка крови. В эту ночь он растратил последние остатки своего состояния. Когда гости ушли, он застрелился.

Последние почести ему отдавала пестрая, разношерстная толпа скорбящих. Вчерашние студенты в изношенных шинелях брели, засунув покрасневшие от мороза руки в карманы. С искренним участием смотрели они на гроб. Тот, кого сегодня провожали в могилу, всегда был готов протянуть им руку помощи. Рядом с ними шли бездельники в шляпах художников и с испитыми лицами. Девицы в облегающих юбках, позволяющих при ходьбе показывать ножки. Элегантные дамы в мехах и с огромными муфтами, господа с заботливо ухоженными цилиндрами, которыми они кокетливо помахивали, держа у пояса сшитых по последней моде зимних пальто. За катафалком следовала светловолосая Рушена. Северин оказался с ней рядом и молча коснулся ее руки. Она метнула на него злой взгляд, однако ничего не сказала. По ее гладкому, несколько чрезмерно напудренному лицу нельзя было догадаться, что она знала покойного гораздо ближе, чем принято. Северин попытался заглянуть ей в глаза, но она отвернулась.

Рядом с большим тонкогубым человеком шла Карла. Она казалась еще выше и тоньше обычного и немного наклонялась вперед. Широкое пальто болталось на ее теле. Ступала она неуверенной, шаркающей походкой, растеряв привычное Северину высокомерное изящество. За несколько недель, прошедших со времени встречи на лестнице, лицо Карлы постарело и осунулось. Северин никак не мог понять, от чего алеют ее щеки — от мороза или румян. У музея

на Вацлавской площади траурная процессия остановилась. Священник произнес прощальное слово, и толпа провожающих рассеялась. Только близкие поехали на кладбище на фиакре вслед за гробом.

Северин тоже отправился туда. Он потер перчаткой оконное стекло, начавшее постепенно покрываться ледяной корочкой. Карета проезжала по Ольшанам с их хмурым и бесформенным пейзажем. Северин не бывал на похоронах с самого детства. Он вспомнил, как однажды экипаж, в котором он ехал вместе с родителями, попал в толпу чешских демонстрантов. Чехи возвращались домой с похорон какого-то своего мученика. Они тысячью голосов грозно распевали боевой гимн, и лошади испуганно попятились и застыли на месте. Северин подумал о чудесном, смешанном с благоговением и ужасом трепете, охватившем его в ту минуту, и прислушался к стуку колес.

Когда он вышел из кладбищенских ворот, уже почти стемнело. Он стоял рядом с Карлой, пока мерзлая земля сыпалась в яму, шумно ударяясь о крышку гроба. Только вблизи ему стало видно, как пожелтело и истаяло ее лицо. Он заметил круглые пятна грима и скорбные морщинки на ее прекрасном челе. Здесь, на кладбище рядом с разверстой могилой, он впервые увидел, что у нее за жизнь, как одна ее боль сменилась другой, а вместо ушедшей любви явилась новая. Карла вздрогнула, когда он перевел взгляд на высокого мужчину, с которым она сегодня вышла на люди. Тихо и ласково, как обычно говорят с ребенком, он спросил:

— Это он?

— Да, — просто ответила она и кивнула.

* * *

В город Северин возвращался пешком. Именно он расплатился с извозчиком, а кладбище покинул последним из провожающих, когда все остальные уже ушли. Бледно-фио-

летовые предвечерние сумерки ложились на поля, вдали приглушенно грохотал поезд. Тут и там на обочинах стояли одинокие деревья, протягивая голые ветки хмурому небу. Вечер близился, тени удлинялись, с пашни поднимался туман. Над дорогой летали воробьи, напоминавшие в подступающей мгле больших черных птиц. Трамваи ехали с включенными фарами, город зажигал огни. Северин думал о смерти Конрада. В голове крутилась одна коварная мыслишка, от которой никак не удавалось отделаться. Перед глазами так и стояло лицо человека, только что закопанного в гробу под землю. По телу пробежала невольная дрожь, холодная, как тучи на горизонте. Северин прощупал пульс на запястье, хотя страха не чувствовал. Впереди он увидел хоровод белых призраков, однако понял, что это всего лишь вихрится снег. Из дымки проступили первые дома Виноградов. Северин еще раз посмотрел на дорогу. Небо мутно светилось, мороз крепчал. В витринах магазинов загорелись лампы, бросая отблески на тротуары.

Северин остановился у лавки мясника. Ощутил теплый запах крови, заставивший его содрогнуться от отвращения. Двое мужчин, засучив рукава, вытащили наружу корыто, из которого, оскверняя морозный воздух, валил влажный пар. Прежде чем положить пальцы на грязную дверную ручку, Северин предусмотрительно застегнул перчатки. В лавке он попросил взвесить ему мяса на пару крейцеров. Широкоплечий рыжий торговец смерил покупателя подозрительным взглядом. Северин вышел на улицу с завернутой в газету клейкой мякотью. Остановившись под уличным фонарем, он аккуратно развязал бечеву на свертке, открыв его. Затем вынул из кармана флакон с ядом и высыпал его содержимое на мясо, наблюдая, как мелкий сухой порошок посверкивает меж кровавыми волокнами.

* * *

Когда Северин вошел, Сюзанна сидела у печки и слушала, как потрескивают поленья. Она будто дремала, прикрыв глаза рукой, и посмотрела на дверь сквозь пальцы. Старого Лазаря не было, и место за прилавком пустовало.

— Добрый вечер, Сюзанна, — сказал Северин.

Сюзанна подняла лицо и застыла в удивлении и испуге. Плечи ее задрожали, и меж бровей залегла темная складка. Она поздоровалась в ответ. Затем зазвеневшим голосом спросила:

— Откуда ты, Северин?

Северин молчал, нерешительно переминаясь. Он вновь остро почувствовал то, чего уже давно не испытывал. Это ощущение изредка посещало его в студенческие годы, когда он читал какой-нибудь английский роман под гудение лампы. Ему начинало казаться, что комната, где он сидел, становилась частью повествования, затягивавшего его с головой. На стене перед ним метались тени людей, чьи судьбы были ему небезразличны. В тусклом свете он узнавал их по жестам.

— Доктор Конрад умер, — наконец сказал он и уселся на высокий стул с кожаными подлокотниками, стоявший у прилавка. Оттуда он увидел картину, висящую в углу недалеко от Сюзанны. Он никогда не замечал ее прежде. Это был пейзаж с деревом необычной формы, будто появившимся из сновидений, и двумя путниками в полутьме. Его щек коснулось дуновение воздуха: сзади к нему подлетел ворон и уселся на коленку. Северин наклонился к птице. Очень медленно он вынул из кармана отравленное мясо.

— Это смерть, — сказал он и поднес кусок к клюву. Ворон выхватил мясо из руки и вернулся с ним в свой угол.

Северин поглядел на Сюзанну. Ее тяжелые косы свободно лежали на коленях. Лицо казалось непроницаемым и чужим, губы плотно сомкнулись. Было очень тихо, и Северин слышал, как по мостовой перед лавкой ходят люди. Отблески огня корчились на картине, населяя ее новыми фигурами.

Северин порылся в памяти. Дерево на холсте казалось смутно знакомым, уже виденным. Но он никак не мог вспомнить, где именно его видел.

«Пора идти», — подумал он и поднялся.

— Всего доброго, Сюзанна! — попрощался он и взял шляпу. Немного помедлив, он прислушался к происходящему в углу: ворон расправился с добычей и не издавал ни звука.

9

Ночью разбушевалось ненастье, и ветер с воем носился по улицам. С равнины за горами он принес тяжелое, туманное тепло и сбил талый снег с крыш. Северин лежал в темноте с открытыми глазами. Жар охватил тело и лихорадил кровь. Окно хлопало, и время от времени, когда дверь дома со скрипом приоткрывалась, снаружи врывался глухой шум. Желтая зимняя молния на миг озарила комнату, и в ее свете перед Северином будто предстала картина, что висела над головой у Сюзанны в лавке букиниста. Теперь Северин понял, где видел то дерево. У могилы Конрада — возле кладбищенской ограды, на месте, выделенном для новых захоронений. Он обратил внимание на дерево, когда гроб опускали в землю: в холодном дневном свете оно выглядело причудливым и странным.

Северин поглубже нырнул под одеяло, охваченный ознобом. Им овладела такая тоска, что и описать невозможно. Он думал о безумии и жестокости своего вчерашнего поступка и о том, что убил ворона. Ветер ударился в звенящее стекло уличного фонаря, расколотив его надвое, и заклокотал в каминной трубе.

Утром невыспавшийся и изможденный Северин поплелся в контору. На улицах разлились глубокие лужи, ветер не унимался. Порыв ветра сорвал шляпу с головы и швырнул в грязь. Северин наклонился, поднял и опять надел ее. С полей на лоб потекла холодная темная струйка, но ему было все равно. Днем, пока он писал и подсчитывал, дождь то и дело принимался барабанить по оконному стеклу. Северин вставал и смотрел на мокрые камни во дворе. К горлу гладким комом подступала дурнота. Он ушел домой раньше обычного и опять бросился на постель. Но сон никак не хотел приходить. Стоило Северину закрыть глаза, как начинало казаться, что он все падает и падает куда-то в пропасть. В голове неотступно горели навязчивые мысли, и, объятый ужасом, он зарылся лицом в подушку.

* * *

Наконец ветер стих, и стало чуть ли не душно. На город опускался вечер, и лишь на небе тающий свет очерчивал темно-синюю окаемку туч над домами. Северин с опущенной головой брел меж прохожих. Всепоглощающий страх тяжким грузом давил на сердце, заставляя пошатываться. В кармане под рукой лежал твердый предмет, и Северин придерживал его пальцами. Это был большой круглый камень, как-то подобранный им в полях и унесенный с собой.

В лавке Лазаря Каина над прилавком горела газовая лампа. Сквозь дверное стекло Северин увидел продолговатую лысую голову букиниста. Его лоб пересекала глубокая морщина, точно на костях под кожей зиял провал. Северин перевел взгляд. В глубине комнаты он нашел картину и, издав изумленный и натужный смешок, узнал на ней дерево, что приснилось ему ночью.

На его плечо легла рука, и он, обернувшись, увидел Сюзанну.

— Ты что здесь делаешь? — спросила она, недобро глядя потухшими глазами. В сумерках казалось, что она стала больше, массивнее, и Северина как громом поразило: она ждет ребенка.

— Сюзанна! — прошептал он.

Впервые за много недель в его опустошенной душе забрезжил свет. Тьма внутри затрепыхалась, и он испугался.

«Зачем я сюда пришел?» — пронеслось в голове. Он стоял в тиши пустынной сумрачной улочки и трепетал перед лицом еврейки. Пальцы, цепляющиеся за камень, задрожали, кровь застыла.

— Я не убийца, — произнес он вслух и в ту же секунду словно в незримом зеркале увидел себя — исполненного пороков, изъязвленного и покоренного ими.

— Боже! — вскричал он, и этот возглас открыл ему истину: он явился сюда, дабы расправиться со старым Каином.

— Боже!

Голос его был столь пугающ, что Сюзанна побледнела. Мир поплыл перед ее глазами, сердце чуть не остановилось, и помутившимся взором она увидела, как Северин бежит по улице во тьму.

* * *

Было уже поздно, над башнями висела спокойная белая луна. Облака рассеялись, стало светло и холодно. Северин шел по аллее Королевского сада и вдыхал сырой воздух, пахнущий наступающей весной. Внизу раскинулся город. Вдали, подобно глазам полусонного зверя, горело несколько фонарей. Северина знобило. Подумалось о тысячах горожан, беспомощно тонущих, как и он, во мраке жизни. Он вспомнил о людях, которых знал — тех, кто также потерял себя самого. О Карле, которая отчаянно кидалась из боли в боль; о Конраде, чей гроб недавно опустили в землю; о Сюзанне, носившей его ребенка из чистой ненависти к собственному отцу. Северина терзала великая печаль. Он вглядывался в тени у домов и видел свой образ, увязший в загадках любви и смерти, мечущийся по улицам, чьи камни источали мысли об убийстве, ослепляющие душу. Он зарыдал, и слезы были едкими и резкими, как уксус. Уткнувшись лицом в ствол дерева, он впился зубами в кору. На него обрушилось одиночество и жажда встретить кого-нибудь, кто мог бы стать ему опорой.

Вдруг показалось, что в темноте блеснули глаза, знакомые, но давно забытые. Чудесный, добрый голос пробудился в памяти и зашептал слова утешения. Северин развернулся и зашагал вниз по дороге к мосту.

* * *

Окно комнатушки на Староместской площади еще го-

рело. Оно всегда гасло последним, гораздо позже остальных в этом большом доме. В городе царил сон, летучие мыши метались перед часами ратуши, но Зденка не ложилась до тех пор, пока думы не изматывали ее, а лампа не начинала мигать.

Северин поднялся к ней на этаж и застыл у двери. Он постучался и хотел позвать девушку, но голос не слушался.

— Северин!

Она открыла засов и, смущенная и сияющая, стояла в дверном проеме. Светлые волосы разметались по платью, руки были прижаты к груди. Осунувшееся личико озарилось, когда она подставила губы для поцелуя.

— Я знала, что ты вернешься, ждала тебя...

Северин опустился перед ней на колени и погладил ее руки. Он напоминал себе ребенка, сбежавшего из дома, но наконец пришедшего обратно.

— Я люблю тебя, — сказал он, понимая, что теперь говорит правду. А потом произнес ее имя, сердечно и счастливо, как никогда раньше:

— Зденка! Зденка!

Рука в руке, они подошли к окну и посмотрели в ночь. В переулках горланили пьяные, луна отражалась в оконных стеклах. Она висела над крышами города, как очаг, окутанный белым дымом. Северин ощутил, что происходит нечто волшебное, более прекрасное и великолепное, чем все приключения из книги про Богемские войны. Он наклонился к Зденке, ища ее губы, а когда поцеловал, тишину лунной ночи разорвал гул, раскатистый удар, будто земля разверзлась.

На Влтаве начался ледоход.

Книга вторая

ПАУТИНА

1

Исподволь опять пришло лето. В жизни Северина одна неделя незаметно сменяла другую, однако ничто не могло растормошить усталое сердце, застывшее с конца зимы. В тот вечер, когда он, несчастный, в слезах, появился в комнате Зденки, он и мечтать не мог о покое. Но сейчас в душе его царил поразительный штиль, обострявший ум, отчего Северин ходил улыбаясь, будто человек после тяжкой болезни. В нем пробудилась тонкая наблюдательность, и он взирал на мир с его тысячью мелочей, как чужак, для которого все внове и не перестает удивлять. Каждое утро он просыпался после долгого крепкого сна: горячее солнце сияло в окне, и он, открыв глаза, тут же зажмуривался, ослепленный; или, бывало, теплый дождь барабанил по стене дома, и Северин полной грудью вдыхал милую сладость влажного воздуха.

Они со Зденкой больше не расставались.

Воспоминания о зиме часто возвращались, навевая страх. Его любовь искала в Зденке защиту и с детским благоговением лелеяла их союз. По воскресеньям они, совсем как раньше, гуляли по паркам и предместьям. Сидя в кафе под открытым небом, они слушали, как на эстраде полковые оркестры одну за другой играют мелодии из Верди и Вагнера, венских оперетт и «Мечты австрийского резервиста». Свет пробивался сквозь листву каштанов и прыгал зелеными отблесками по скатерти, все еще хранящей сыроватый запах прачечной. Северин смотрел на красивое лицо Зденки и с медлительностью выздоравливающего подносил сигарету ко рту. Голоса людей, беседующих за соседними столиками, ласкали слух. Сама размеренная, упорядоченная, комфортная жизнь обращалась к нему в обрывках их разговоров, и он радостно в ней терялся.

Северину казалось, что в этом году лето совершенно изменило Прагу. Он всем телом чувствовал, как кипит ее кровь, но это больше не пугало его. Однажды, ближе к вечеру, прежде чем встретить Зденку у конторы, он пошел прогуляться

по солнечным улицам. Смотрел на дворников, поливающих мостовую, и чувствовал себя счастливым, когда вдруг замечал фонтанчики воды, вырывающиеся из дырявых шлангов, и радугу, переливающуюся в каплях. У фонтана Франца и на набережной цвела акация.

Северин уселся на скамейку над рекой. Внизу текла Влтава, мимо, к мельницам, медленно плыла парусная лодка. Гряда облаков причудливой формы появилась в небе и на какое-то время закрыла солнце.

Северин помнил эту картинку с детства. Когда-то они с отцом ждали здесь, под акациями на набережной, тетю Регину. Забрезжило смутное воспоминание о тех днях, и перед глазами вновь встала темная комнатка в полуподвале, где тетушка жила вместе с немолодой подругой. Он всегда с удовольствием ходил к ним. За окном, за тюлевыми занавесками, висел домик с термометром, а у дверей домика стоял человечек под красным жестяным зонтиком. Подруга была больна: ее ослабевшее тело пожирал рак. Она арендовала киоск на Вифлеемской площади, деревянную будку на углу улицы, и днем торговала сигарами. В комнате, которую она делила с тетей Региной, витала неповторимая смесь запахов ладана и запасов табака, погреба и сухих венков, оставшихся после Праздника Тела и Крови Христовых. Все это обладало для Северина особым очарованием и заставляло его дрожать от сладостного предвкушения. Там, в комнате тетушки, где печатные лики святых соседствовали с церковными свечками, а коралловые распятия — с потрепанными сборниками гимнов, он впервые ощутил в душе страсти, терзавшие его с детства.

В нем зашевелились остатки былых чаяний. По ту сторону реки раскинулась Мала Страна. Он смотрел на нее и Карлов мост, на котором парами, как школьники, стояли скульптуры в длинных церковных одеяниях. Воздух еще веял Днем Яна Непомуцкого, и тихие воды несли опавшие цветы влтавской акации к ногам святого. С моста не успели убрать деревянные леса со стеклянными лампадками перед статуей мученика: сюда каждый год из деревень приезжали паломники почтить своего покровителя. Северин

вспомнил, что в детстве и он с нетерпением ждал празднования памяти богемского святого. В канун этого события они с отцом шли на набережную, где уже толпился народ. С наступлением темноты зажигались фейерверки, и тонкие ракеты с негромким потрескиванием взмывали в небо. Под мостом проплывали украшенные огнями лодки, вверху перед алтарем святого Непомука молились крестьяне.

Северин уже много лет не был в церкви. Пыл юности растратил себя в череде слепых и небрежных порывов. Усталость, не отпускавшая Северина и следовавшая за ним изо дня в день вопреки любым помыслам, чуть отступила, позволив вспомниться старому, давно забытому детскому влечению. Послеполуденное солнце опьянило теплой дымкой ароматов акации и речной воды, взволновав едва заметным запахом тлена. По набережной, перешептываясь, прогуливались одинаково одетые девочки из приюта. За ними присматривала закутанная с ног до головы молодая монашенка, бросившая на Северина долгий взгляд из-под головного покрывала. Ее глаза напомнили глаза тети Регины — серые и кроткие, со звездочкой у зрачка.

Смущенный, он поднялся, начал копаться в карманах в поисках сигареты и вдруг через дорогу заметил отблеск солнца на вывеске Библейского общества. Как-то, много лет назад, во время школьных каникул, он купил там за небольшие деньги Писание. Оно не задержалось у него — потерялось, как и большая часть книг из его библиотечки. Он вспомнил об этом, потому что вдруг захотелось прикоснуться к тяжелым, потемневшим от давнего пребывания на алтаре страницам Заветов, к светлой мудрости Евангелий.

В песке у фонтана играли дети. Белобородый старик с зеленым козырьком и в гнутых очках торговал липкими леденцами и крендельками с солью и маком. Северин купил у него весь товар и раздал детям. Старик с довольным видом потащил пустую корзину домой, служанки на скамейках повернулись друг к другу и захихикали.

Северина охватила блаженная нега, навеянная почти забытыми детскими воспоминаниями. Мыслями он осторожно погрузился в мир полных наивного очарования школь-

ных месс и трепета, с каким он кончиками пальцев касался плата причастия. В ушах зазвучали гимны майского богослужения, когда все под орган воспевали Марию, а снаружи, из открытого окна, с кроны цветущей рядом с церковью липы, раздавалась громкая и переливистая птичья трель.

Переходя через мост, Северин приподнял шляпу перед золоченым распятием. Затем неожиданно для себя остановился у врат церкви святого Николая. Ее зеленый купол мерцал над крышами домов, ступени притвора озарялись ярким светом изнутри здания. Северин вошел. Из разноцветного полумрака на него посмотрели каменные лица епископов, звук шагов гулом прокатился меж колоннами. Церковь пустовала, лишь одна женщина в черном преклоняла колени у входа. Услышав шаги, она повернулась к Северину, и он узнал монахиню с набережной. У нее было белое лицо, под покрывалом сияли глаза. Северин опустился на колени с нею рядом и громко произнес:

— Приветствую тебя, Regina!*

И не ошибся: изо рта, прикрытого сомкнутыми ладонями, вырвался испуганный смешок.

---

* Regina (*лат.*) — Царица, обращение к Богородице.

2

Карла вместе с новым другом открыла винный ресторанчик в центре города. Рядом с немецким университетом, у огромных деревянных дверей которого всегда толпились студенты в разноцветных шапках, начинались торговые ряды. Из въездов в проходные дворы сквозило; обустроенные под склады подвалы пахли отсыревшим войлоком и старой кожей. Иногда в крытой галерее зеленого рынка ночевали крестьяне, приехавшие продавать грибы и свежесобранные ягоды и оставшиеся со своими корзинами ждать утра. Днем здесь бурлила жизнь. На узком тротуаре толкались люди, пронзительными голосами кричали старьевщики, по неровным камням мостовой грохотали телеги. Ночью из мутных окон танцевальных заведений доносился шум, шатались нетрезвые компании, да городовой, пробившись сквозь круг зевак, разнимал пьяные потасовки.

В темном закоулке перед ресторанчиком висел электрический фонарь. Когда кто-нибудь проходил мимо скупо освещенных домов и сворачивал сюда, свет бил на углу в глаза, а сквозь двери приглушенно доносились звуки пианино. Чтобы обставить зал, Карла воспользовалась советами наделенного изящным вкусом и склонного к роскоши молодого Николая; впрочем, его самого можно было каждый вечер увидеть среди гостей. Карла, не страшась резких контрастов, создала единство вызывающей, манящей красоты, и нельзя было не заметить, что меблировка отражала характер хозяйки. Однако Николай, впервые зайдя в помещение, задумчиво покачал головой. Яркие краски портьер душили глубокий тон ковра, любимый Карлой черно-синий бархат скатертей и обивки диванов по необъяснимой прихоти расцветился волнующими и странными кроваво-красными сердцами. Но дикий темперамент, выражавшийся здесь во всем, влек и покорял. И когда вечером Карла со стянутыми цепочкой непокорными волосами выходила к гостям в платье невероятного цыганского покроя, обнажающем красивое декольте и руки, и замирала в свете элект-

рических ламп, вино в хрустальных бокалах становилось слаще, а чарующая музыка звучала еще чудеснее.

Но главной приманкой, привлекавшей и завораживающей публику, была Милада. И где только Карла взяла эту девушку: никто не знал о ее происхождении и прежде никогда не встречал в Праге. Теперь она каждый вечер появлялась в ресторане, и ее изящное личико даже не розовело от выпитого вина. Она носила простое зеленое платье, облегавшее фигуру, подобно тонкой рубашке, и подчеркивающее маленькую острую грудь. За несколько недель она влюбила в себя всех мужчин. Она обладала особым, непостижимым для остальных даром развязывать языки молчунам и очаровывать нелюдимов. Ее ясные глаза, иногда подергивающиеся поволокой во время беседы, могли вдохновить робкого, угодить разборчивому, околдовать распутного. Она стала новым, будоражащим аттракционом в полусонной ночной жизни города. Карла наняла ее в качестве певицы, и Милада действительно изредка пела звонким голосом под аккомпанемент пианино. Исполняла она немецкие песенки, популярные в кафешантанах, и чешские народные песни, подобные тем, что по вечерам наигрывают на губной гармонике парни из предместий. Однако ее притягательность ничего общего с этим не имела.

Ресторан Карлы неожиданно вошел в моду. С позднего вечера до раннего утра в нем царило безудержное веселье — крики, топот, смех во все горло. Снаружи, под горящим фонарем, останавливались люди, а затем с завистью скрывались в темноте улицы. Но сладкие мелодии венских вальсов звали их назад, туда, откуда они только что ушли, и заставляли браться за дверную ручку. Радость жизни, являвшая себя в звучащей в зале музыке, хватала за душу одиноких прохожих и тянула в круг, очерченный светом фонаря. Даже старые знакомые Карлы, никогда не собиравшиеся вместе после смерти доктора Конрада, сейчас сходились у нее. Светловолосая Рушена появлялась в компании толстого рябого художника. Она сидела в уголке, потягивала кислое австрийское вино, оплаченное спутником, и с легкой улыбкой смотрела куда-то в пустоту. Николай редко при-

ходил ранее полуночи. Он обычно возвращался с какого-нибудь званого вечера и был во фраке и шелковом жилете. Карла заранее ставила для него в ведерко со льдом бутылку шампанского.

Северин со Зденкой впервые заглянули в темный закоулок после жаркого дня. Над городом медленно сгущались тучи. И Северин, и Зденка устали, Зденка проголодалась и хотела пить. Северин сам предложил разок зайти к Карле. Он видел рекламные объявления в газетах и слышал, как в конторе обсуждали Миладу. Было еще рано, и ресторанчик пустовал. Только старый Лазарь, успевший напиться, приютился в уголке. Он узнал Северина и кивком приветствовал его. Рядом с ним в зеленом платье сидела Милада и терпеливо выслушивала болтовню старика. Ее ясные глаза со спокойным любопытством осмотрели Зденку и бегло оценили ее спутника. Северин зачарованно уставился на ее худое личико. Он неприятно удивился и испугался, заметив в ресторане букиниста. Теперь же Северин, вдруг преобразившись, тихо сидел за столиком, невольно чувствуя, как при взгляде на Миладу закипает кровь и тяжело стучит сердце. Необычное, до боли знакомое выражение ее глаз не давало ему покоя. Зденка неловко молчала, увидев, как он наморщил лоб, и не двигалась, стараясь его не потревожить. Лишь когда в зал вошла Карла и обрадованно пожала ему руку, Северин встрепенулся и пришел в себя. Карла села на диван с ним рядом и шепотом заговорила о Лазаре. Каждый вечер, закрыв лавку, он приходил в ресторан и напивался. Но никогда не оставался надолго. Как только первые посетители начинали собираться после театральных представлений, он шел домой.

Еще Карла рассказала, что иногда он, пьяный, принимался говорить несуразицу и плакать. Не раз складывал он руки, как птица, пытающаяся взлететь, и каркал вороном. А затем снова начинал звать свою дочь...

Северин побледнел. Перед глазами встал давешний вечер, когда он в темном переулке встретил еврейку и бежал от нее в испуге. Он уже позабыл ее слова, но задрожал при воспоминании о ее бесформенном, искаженном беремен-

ностью теле. Северин поднялся и подошел к пьяному букинисту.

— Добрый вечер, Лазарь! — сказал он. — Как поживает Сюзанна?

Его голос срывался от страха, он был сам поражен, что нашел в себе храбрость спросить такое.

Старик уставился в стакан и даже не поднял голову.

— Сегодня вернулась из больницы...

Последовало долгое молчание. Все три женщины обменялись взглядами и затаили дыхание.

— Ребенок-то помер, господин Северин... совсем он мертвенький...

И Лазарь захохотал, а по его впалым щекам побежали слезы.

3

Чем ближе подступал конец лета, тем прекраснее и нежнее оно становилось. Каждый день небо раскидывало свой безоблачный полог, но солнце уже не пекло. Северин проводил отпуск в городе. До полудня он бездумно слонялся по улицам, и эти прогулки приносили ему наслаждение, о котором он так долго мечтал. Унылые годы молчаливого, отупляющего конторского труда чудесным образом уступили место настроению, какое бывает лишь на школьных каникулах; мысли о бедной, потраченной на рутину жизни улетели, подобно тонким паутинкам, вместе с воспоминаниями о последней зиме. Просыпаясь рано утром, Северин потягивался всем телом и еще час нежился в постели. Лениво глядя на узор, нарисованный на дверях солнечными лучами, пробивающимися сквозь ткань занавесок, он чувствовал, что душа его освободилась от бремени. Затем он умывался и выходил из дома. Поднимался на холм, откуда были видны Виноградские шанцы и Нусле за ними. Новые, кипенно-белые постройки сверкали на солнце, воздух полнился гулом далеких поездов. Где-то поблизости был маленький, заброшенный сад из детства Северина: там он собирал камешки и улиток, а весной любовался одичавшим газоном, пестревшим маргаритками. Рядом с Виноградской больницей огромной коричневой луковицей поднимался купол церкви у Карловой площади, а на другой стороне, за Нусле, в полях Панкраца стояла новая водонапорная башня, и Северину казалось, что кто-то вырезал эту картинку из книги, некогда принадлежавшей ему. Прозрачность утра отражалась в крышах домов. Пел фабричный гудок, и его меланхоличный голос еще долго звучал в ушах необычной монотонной музыкой.

В эти утренние часы Северин впервые ясно понял, насколько многолика городская жизнь. Рядом, вокруг, позади тянулись тысячи улиц, а когда он поднимался с другой стороны холма, то видел Влтаву, текущую мимо Вышеградской крепости, и яркие солнечные блики горели огнем на

ее волнах. В осыпающихся бойницах крепостных стен росла трава. Северин вернулся мыслями в тот вечер, когда беспокойство притупило сознание и он, обуянный страхом и недобрыми предчувствиями, застыл в лабиринте домов. Но сейчас преображенный город, сверкающий омытыми утренним светом башнями, казался прекрасным и манил своими чудесами.

По пути домой Северин часто заглядывал в открытые двери церкви. С того вечера в Мала Стране его тянуло побыть в темноте бокового алтаря, где в нишах застыли статуи с серьезными лицами, а в красном стекле мерцал неугасимый огонь. Он садился на скамью и замирал на четверть часа. В это время в церковь мало кто заходил, разве что одинокая старушка тенью шаркала по плитам пола. Северин вбирал в себя тишину с жадностью человека, долго прожившего среди шума. В сумраке избранного им укрытия плавным потоком текли мысли, увлекая сердце в загадочный, как в детстве, мир. Словно во сне, перед глазами проплывали видения утра, и в полутьме он смотрел на волны Влтавы и низкие фронтоны Градчан, прислушиваясь к пению гудков в долине. Случалось, он приходил в себя от шороха: какая-нибудь женщина, тихонько подошедшая, пока он был погружен в мечтания, опускалась на колени для молитвы. И тогда он, волнуясь, оборачивался и пытливо вглядывался ей в лицо.

Постепенно он понял, что ищет монахиню с глазами-звездами. По неясной причине он окрестил ее Региной и в конце концов сумел поверить, что так ее и зовут. Имя пришло ему в голову при их первой встрече на набережной, под акациями. Вспоминая монахиню, он по внезапному и непостижимому совпадению принимался думать о Миладе...

В тишине он размышлял о днях, когда любовь Зденки стала ему необходимой защитой. Он повторно переживал все, что произошло с тех пор. Слова старого Лазаря преследовали его, бессильные горькие слезы напоминали об умершем младенце. Потихоньку он начал осознавать, что идиллия этого лета была всего лишь иллюзией. Сонная душев-

ная усталость заставила его думать, что он обрел покой и настоящее счастье. Но злые силы не дремали, они тайно одерживали верх, и пока он с улыбкой целовал уста своей девушки, они, подобно едкой кислоте, разъедали его изнутри. Смутная тень, от которой он бежал зимой, вновь возникла перед ним в темноте пустой церкви. Он никак не мог понять, виной ли тому Регина или Милада, и воспоминания о них странно сливались в единый образ. Участь Сюзанны говорила ему, что он ступил на темный и роковой путь, ведущий к горю и бедствиям, и радостям там не место. Он хотел бы защитить Зденку, но видел всю тщету этого порыва. В испуганной любви к ней он с ужасом разглядел мрачную страсть: он держал ее жизнь в своих руках и в любую секунду мог ее раздавить.

Северин вышел из церкви и потряс головой, прогоняя мысли. Полуденное солнце словно разливало теплый мед по улице, у стены стоял слепец со шляпой в руке и моргал. Бесценное сияние августа простиралось над крышами, будто поднимаясь вверх из желтых пригородных полей. Северин провел пальцами по лбу. Он неуверенно побрел дальше — благотворный самообман последних недель утратил над ним власть. Из открытых окон первых этажей то и дело доносились трели канареек, а наверху, на третьем этаже одного из домов, взвизгивала скрипка. Слышался какой-то гул, металлический лязг, становящийся все отчетливее. Часы на башнях пробили полдень.

4

Натан Майер предпочитал не выставлять свою жизнь на всеобщее обозрение. С тех пор, как они вместе с Карлой открыли винный ресторанчик на темной улочке, он так ни разу не показался гостям. Он запирался у себя в комнате, где обитал среди книг и беспорядочно разбросанных по полу брошюр, и покидал ее только ночью, когда соседи ложились спать и больше не выходили на лестницу. Ему с легкостью могло быть лет сорок, но коротко подстриженные волосы и гладко выбритое лицо делали его моложе. О его прошлом почти ничего не знали. Отец Майера владел большим пивоваренным заводом в России и после смерти оставил сыну приличное состояние. Натан годами преспокойно жил на проценты с капитала. Его крутой нрав, не смягченный ни каплей добродушия, был словно создан для жизни в одиночестве. Они сошлись с Карлой по странной случайности, однако в его существовании мало что изменилось. Они обретались в одной квартире, но двери между их половинами чаще всего оставались закрыты. Поэтому те немногие, кто мимолетно сталкивался с Натаном, удивлялись и не могли понять, как вышло, что он пылко и настойчиво поддержал идею питейного заведения. Возможно, толчок дала Карла, чей неспокойный дух искал выхода из невыносимой монотонности их совместной жизни. Но он схватился за это предложение с фанатизмом, оставившим в недоумении даже ее, лучше всех знавшую об энергии, таившейся за его праздным покоем. Именно Натан открыл для всех Миладу, охотно поспособствовав ее успеху. Но когда дело наладилось и предприятие обрело многообещающее начало, он вернулся к привычной рутине и больше ни во что не вмешивался.

По крайней мере, так казалось: ведь никто не видел довольной усмешки на его тонких губах, когда ночью в комнату врывался шум музыки из ресторана. Окно оставалось открытым, Натан сидел, склонив голову, за письменным столом и внимал. Тихая улочка, зажатая меж высоких стен

домов, собирала звуки и направляла их в его комнату. Он слушал, как звенят друг об друга бокалы, как ломкий смех Милады зажигает мужчин. Слушал пронзительные от возбуждения голоса посетителей, одурманенных вином и разговорами. На его гладком лице появлялось удовлетворенное выражение, и он кивал. В иные вечера внизу шумели по-другому: то были минуты вздохов и вскриков бурной, необузданной страсти, опасной и неудержимой. Пианино взрывалось горячими аккордами, тяжелые пальцы отстукивали на клавишах ликующие напевы, вальсы и марши. Тогда Натан Майер доставал из шкафа шляпу и пальто и спускался по лестнице. Невидимый и неузнанный, он стоял напротив ресторана и пересчитывал гостей, исчезающих внутри. Электрический фонарь выхватывал из темноты улицы яркий круг, заливая лица входящих белым светом. На какой-то миг Натану открывалось, что творится в душах у людей, застывающих у двери и мешкающих в слепящих лучах. В сиянии лампы человеческие лица прочитывались яснее и отчетливее, чем днем. Провалы глазниц, складки и тени у исполненных страха глаз, зажженные ночным кутежом зрачки. Натан опускал шляпу на лоб и поднимал воротник пальто. Недвижно стоя во тьме, он стерег дом.

* * *

Северин думал о Натане Майере, вспоминая похороны доктора Конрада. Мысленно рисовал его высокую широкостную фигуру и злобно поджатые губы — таким видел он Натана в холодный сумрачный вечер, когда тот шел рядом с Карлой среди скорбящих. Его вид заставил Северина посочувствовать женщине, еще недавно бывшей его возлюбленной. Тонкая грация Карлы казалась изломанной усталостью и самоотречением рядом с пышущей здоровьем статью спутника. С тех пор их дороги ни разу не пересекались, даже когда Карла переехала и начала управлять винным рестораном на темной улице. И вот как-то раз они с Майе-

ром встретились в маленьком кафе на набережной Влтавы. Северин теперь заглядывал туда перед сном, после вечера, проведенного со Зденкой, когда в голову лезли предательские и малодушные мыслишки. Ему опять стало необходимо после прощания с девушкой пробыть по меньшей мере час наедине с собой, вдали от ее нежных ласк, унимая тоску, что, как раньше, кольцом сжималась вокруг него. Отпуск заканчивался. Впереди ждала тусклая, чахоточная осень. Вновь начнется безотрадное прозябание в конторе, где дни, как стены, громоздятся один на другой, оставляя жизни лишь узкую щелку. Когда Зденка шла рядом, он безмятежно сиял, чувствуя тепло ее руки и слушая красивый голос подруги, рассказывающий о счастье ее любви. Но вместе с утренними туманами, предрекающими конец лета, вернулось беспокойство. И он, как в самом начале, с кривой усмешкой поглядывал на Зденкину светлую головку, льнущую к его груди. Она уходила спать, в окне гас свет, а он впивался зубами в мясо на кончиках пальцев. Потом метался по улицам, и фонари преследовали его узкую тень на булыжниках мостовой.

В кафе он опускался за столик у окна и отдергивал занавеску. Небо застила чудовищная громадина «Рудольфинума», над ней красными фонарями мерцали августовские звезды.

В одну из таких ночей Натан Майер заговорил с Северином. Он довольно долго наблюдал за молодым человеком из-за газеты, которую читал, задумчиво кривя рот и стряхивая длинными пальцами сигаретный пепел в латунную пепельницу. Поначалу Северин отвечал скупо и угрюмо. Он чувствовал себя не в своей тарелке, и ему претило, что с него не сводят глаз. Но это длилось недолго, и вскоре он сидел и зачарованно слушал Натана, нежданно-негаданно решившего излить ему душу. В маленьком зале кафе никого не было, только официант, притулившись в углу, посапывал во сне да из салона по соседству доносились возгласы игроков и шлепанье карт. Разговор вышел престранный. Голос Натана обжигал слепой и враждебной яростью одиночества, сочился ядом, опустошающим сердца увечных и

безумных, источал ненависть ко всему свету. Озлобленное неверие в добро и в величие мира, беспощадные насмешки заносчивого сокрушителя истин поднимались из глубин его сознания и срывались с губ, дрожащих и влажных. Хриплым, лающим шепотом внушал он Северину:

— Мы все, приехавшие издалека, из России, немного химики. Дома у меня столько динамита, взрывателей и прочего, что можно высадить в воздух целую улицу. Но так поступают лишь дилетанты. Есть средства потоньше да получше: их и полиция одобрит, и закон поддержит... Вы когда-нибудь заглядывали в мой ресторанчик?

Северин ушел от ответа. Он посмотрел в серые лукавые глаза Натана, и вдруг ему все стало ясно без дальнейших объяснений. Его охватил страх перед этим человеком, незаметно пытавшимся похитить его душу.

— На позапрошлой неделе застрелился один юный герр, — продолжал русский. — Он обчистил кассу в своем банке ради того, чтобы пить у меня шампанское и спать с Миладой. Я видел его тело на анатомическом столе... Мальчишка, ему едва-едва двадцать исполнилось. У его матери, когда она узнала, случился удар. И это только начало. Я знаю их всех, тех, кто ходит в заведение. Наблюдаю за ними, когда они того не ждут, во тьме, у дверей...

Последовала пауза, во время которой Северин не проронил ни слова.

— Я сам придумал название этому месту, хорошее название, притягательное — «Паутина».

Северин встал. К горлу подступил комок, перед глазами все поплыло. Коротко стриженная голова Натана тонула в сигаретном дыму, и вместо нее перед Северином на секунду возникла иная, мучительная, картина — огромный город с шумными улицами и тысячами окон. И посреди него винный ресторанчик в черном закутке. Подобно глазу, горел над входом фонарь, а у дверей толпился народ. Люди входили один за другим, слетались на свет, как мотыльки... Внутри сидела Милада в зеленом платье... Невидимый остальным, спрятавшись под изогнутыми ножками пианино,

затаился неуклюжий уродец, что обычно зовется весельем...

Северин встряхнулся, и видение испарилось.

— Не хотите ли посетить мою лабораторию? — услышал он вопрос Натана Майера.

— Даже не знаю.

Северин вцепился в спинку стула, чтобы не упасть.

5

Начались дожди, смыв последние следы лета. На дорожках в парке в огромных лужах стояла вода, к скамейкам прилипли листья, сорванные ветром с деревьев. По городу, подняв сырые кожаные крыши, тащились экипажи; босоногие мальчишки шлепали по мокрым тротуарам и лепили игрушечные дамбы из грязи у обочин. Этой осенью сумерки окутывали плачущие небеса раньше, чем обычно.

Северин стоял у окна. Невзрачная жизнь пригородного округа, где он обитал, медленно, то и дело замирая, тянулась от утра к вечеру. По мостовой прогромыхала телега с углем, ломовые коняги тянули ее, понурив головы. Вдоль домов торопливо шел человек, его черный зонт блестел от капель. Рывками взмывал в небеса грязный бумажный змей, его за веревку сквозь дождь тянул ребенок; постепенно змей отяжелел от воды и упал на землю. В лавке на углу зазвенел колокольчик, на пороге показалась девушка с выгоревшей челкой и испытующе поглядела на тучи. Потом, задрав до колен юбку и сверкнув красивыми ножками, побежала по улице.

Северин думал об осенних дождях из детства. Все было совсем как сейчас, и душа жалобно заныла от мальчишечьих грез. Даже колокольчик на дверях лавки звенел точно так же, как в магазинчике напротив отчего дома. Северин с нетерпением ждал, когда опять откроются двери внизу. Как-то раз, в раннем детстве, еще до школы, он заболел воспалением легких. Он лежал в постели и смотрел, как уличный свет чертит диагонали на расписанном цветами потолке, и иногда его охватывало необычное ощущение. Матушка хлопотала на кухне, откуда-то доносилась заунывная песнь шарманки. А он чувствовал, что жар будто выгрызает в мозгу странную круглую дыру, наверняка мягкую на ощупь и затянутую тонкой пленкой. В голову даже сравнение пришло: он вспомнил о конфетах, которые изредка покупал на рынке на крейцер. Если их пососать, то над жидкой начинкой оставалась лишь тонюсенькая корочка,

проминавшаяся под кончиком языка. Он уже позабыл об этом, ибо с детства такого не ощущал. Но чувство вдруг вернулось во всей своей полноте, и Северин узнал его. На него обрушился рой исчезнувших, смытых временем картин: они стерлись из памяти, но дождливый день вернул их обратно. Темная от копоти открытая галерея с железными перилами, царство их с братом детских игр, откуда они стреляли из рогатки по кошкам в саду. Старушка Юлинка, которую из жалости подкармливали в доме, и в благодарность она чистила щелястую деревянную лестницу. Летние вечера у открытых дверей, когда от вида красных облаков между крышами впервые необъяснимо хотелось плакать, а от простых чешских песен соседских служанок становилось так сладко, что они до сих пор трогали его.

Милада тоже их знала.

Северин прислонился лбом к холодному стеклу. Рот горестно скривился от сердечной боли.

* * *

Пришла ночь, и дождь сменился промозглым туманом, проникающим сквозь дырявые оконные рамы внутрь домов и приносящим тревожные сны их обитателям. Северин не усидел на месте. Он с обеда не выходил на улицу, и виски пульсировали от судорожно бившейся крови. Зденка напрасно прождала встречи с ним, и от этого его мысли заволокло тягостное раскаяние, подобное мгле, окутавшей фонари за окном. Он накинул на плечи дождевик и натянул капюшон на шляпу.

На рыночной площади Северин заметил две фигуры, что сплелись в объятиях за пустующим деревянным киоском зеленщика. Северин остановился понаблюдать за ними, однако спугнул ухажера, и тот со своей дамой скрылся в темноте. Душу охватила всепоглощающая жажда простого человеческого счастья. И в сотый раз пришли тяжкие, мучительные раздумья: что за тропа уводила его от жизни в

бесплодную пустыню? Его пронзило болезненное и бессильное, внушающее страх и рождающее сомнения желание оказаться в женских объятиях, схожее с тем, что пришло, когда Лазарь рассказал ему о смерти ребенка.

Он остановился перед входом в музей и посмотрел на Вацлавскую площадь. Осенняя дымка белыми облаками висела меж электрических огней. Северин раскинул руки.

— Милада! — закричал он, и его голос трепетной птицей улетел в туман.

* * *

Настенные часы в «Паутине» показывали двенадцатый час. Зал был переполнен, над столиками плыл терпкий дух разлитого вина. Смех взмывал над зеленоватыми клубами табачного дыма и визгливыми нотами обрушивался вниз. Гул разговоров перерастал в безудержный гам, хрипло обрывающийся, когда раздавались первые аккорды или громкоголосый гость запевал куплет. За пианино сидела сама Карла в соблазнительном пестром одеянии. Играя, она откидывала красивую голову.

Северин сел поблизости от нее и заказал бутылку. От густого, тяжелого воздуха сперло дыхание, на теле выступил пот, рубашка прилипла к коже. Карла играла заказанную посетителями музыку, извлекая пальцами из клавиш неискренние, пропитанные фальшью опереточные песенки. Аромат ее плоти смешивался с винными парами и будоражил кровь. Безрассудная, дерзкая похоть дурманила головы и заполоняла сердца.

Милада покинула компанию юнцов во фраках и белых галстуках и прильнула к Северину. Ее тонкие губы озарила сулящая бесконечные радости улыбка.

— Дай мне выпить, — сказала она, и он протянул ей свой бокал.

Язычок Милады промелькнул меж острыми зубками, и Северин едва сдержался, чтобы не поцеловать девушку, но

лишь обнял и усадил к себе на колени.

— Я уже видел твои глаза, Милада. Нет ли у тебя сестры?

— Была, очень на меня похожая, но умерла...

Северин откинул прядь волос с ее лица, а она плотнее прижалась к нему, позволяя ласкать себя: такая маленькая, как ребенок, с торчащими под тонким платьем грудками.

— Пойдем сегодня ночью ко мне, — прошептал он.

— Ее звали Региной, — сказала в ответ Милада. — Она была монахиней.

6

С тех пор как Милада сделалась его возлюбленной, Северин перестал замечать течение времени. Летели дни, похожие на один-единственный, пестрый и горячечный сон, заполнивший собой весь мир. Все, что раньше имело значение, огорчало и волновало, исчезло из жизни, будто этого и не было вовсе. Он исполнял привычные обязанности с беспечной уверенностью сомнамбулы. Часы работы в конторе перестали тяготить, как раньше. Пропала злая и вероломная ненависть к вещам, некогда коробившим его, осталось одно безграничное празднество любви. Никогда доселе он не думал, что женщина способна пробудить в нем эту каждодневную новизну чувств. Перед ним разверзлась бездна блаженства, и он в лихорадочном безумии и со смятенной душой ринулся туда.

Милада понимала его тело. Она прозрела суть Северина с мудрой и дальновидной искушенностью многоопытной юности и потакала любым его порывам. Раскрыв тайник его страстей, она коснулась самого их основания. Обучила странным и необузданным любовным играм, опьянила нежностью, изощрялась в поцелуях. Счастье, что она несла ему, отдавало грешным и отчаянным разгулом. Она вешалась ему на шею и смотрела взглядом с похотливой поволокой, он же терял чувство реальности. Комната начинала казаться чужой и диковинной, лампа над постелью испускала странное сияние. В глазах Милады плясали чертенята, нахлынувшая золотая волна вымывала все мысли из его головы.

Слабое, хрупкое тело Милады обладало неожиданной силой любви. Она отдавала себя с безудержной страстью, не отпускавшей Северина и истощавшей его. Он давно разочаровался в женщинах. Амурные похождения никогда не имели над ним непререкаемой власти, способной покорить и повелевать, неодолимой и смертельной. Но теперь впервые за всю его жизнь вспыхнула страсть, испепеляющая и просветляющая. Порой к нему возвращались воспоминания о

Зденке, чей образ молил о встрече. Северин пробуждался ночами и смотрел в темноту, и перед глазами возникало ее лицо, сулящее спасение. Сияние ее светлых волос опутывало его сердце, издалека колокольным перезвоном звучал ее голос. Но на следующий день он опять возвращался к Миладе и забывался в ее поцелуях.

Ближе к вечеру, когда октябрьские сумерки расплывались по углам, он сидел дома в ожидании. За окном невнятно, на разные лады шумела улица, пол сотрясался, если мимо проезжал экипаж. Временами уличные звуки начинали пугающе и навязчиво грохотать в голове. От них невозможно было избавиться. Тогда он зажимал уши руками и чувствовал, что эта свистопляска бушует в нем самом. Его нутро разрывалось от пугающего чувства тревоги. И тут раздавался звонок, в комнату входила Милада и распахивала пальто.

Он любил все, что ей принадлежало. Любое платье на ее пылающем теле возводилось им в ранг фетиша. В кружеве вуали, забытой ею как-то у него дома, он пытался уловить след ее дыхания, а запах похищенных у нее перчаток служил утешением в одинокие часы. Когда Милада решительными движениями обнажалась перед ним, роковое влечение швыряло его к ее ногам, и он падал на колени, не в силах сопротивляться. Всхлипывая от болезненно острого, неземного блаженства, он осыпал ее подол поцелуями.

Он сознавал, что окончательно и бесповоротно пожертвовал Зденкой, покорившись Миладе. Но пути назад не было: мысль о том, что некогда душа его не полнилась всепоглощающей любовью, опустошала и страшила его. Как часто, заключая Миладу в объятия или позволяя ей, словно озорному ребенку, устраиваться у себя на коленях, Северин замечал, что под ее ресницами блестят глаза монашенки, с которой он столкнулся летом в церковной тиши. Он рассказал Миладе о той встрече и об улыбке, мелькнувшей на устах незнакомки, когда он произнес: «Приветствую тебя, Regina!» Милада расхохоталась и принялась говорить о своей сестре, умершей несколько лет назад, называя его духовидцем. Но он отрицал, что столкнулся с приз-

раком, и клялся, что говорил истинную правду. Ясно и четко видел он перед собой бледный лик юной девы, а в душе разгорался жаркий огонь нечестивого желания, зажженный той встречей.

Милада дозволила его воображению разыграться. Острое чутье, с помощью которого она овладевала мужчинами, вскоре подсказало ей, какой неисчерпаемый источник для новых изысканных наслаждений открылся перед нею. Как-то раз она появилась позже обычного, когда осенние сумерки уже залили комнату. Взбудораженный ожиданием Северин распахнул дверь. Перед ним, молчаливая и спокойная, благочестиво скрестив руки на груди, стояла юная монахиня, виденная им когда-то на благоухающей акацией набережной. Широкая ряса скрывала тело, под черным чепцом мерцали похожие на звезды глаза.

— Регина! — вырвалось у него.

Она издала ликующий возглас и прижалась губами к его рту. В поцелуях он тут же узнал Миладу. Он сорвал с нее грубое одеяние, и ее обнаженная кожа матово засияла, как нежнейшие шелка. Северин подхватил ее на руки и понес на кровать.

— Регина! Регина!

Кипящим металлом забурлило в крови неохватное, невероятное счастье, оставив на бедном, исполненном любовью сердце сладко ноющий коралловый шрам.

* * *

Ночи, последовавшие за тем вечером, Северин проводил в «Паутине». Отрешившись ото всех, он сидел в стороне и наблюдал, как Милада обхаживает посетителей. Для каждого у нее находилось словечко, ласковые нотки, затаенное обещание; гость думал, что все это предназначено ему одному, и щеки его окрашивал безмолвный румянец. А она то и дело одаривала взглядом Северина и, проходя мимо, касалась пальцами его волос. Она пела его любимые песни,

слышанные им в детстве, — и смотрела на него. В ней чувствовалось томное и мечтательное очарование славянки, некогда подкупившее Северина в Зденке. Но Милада обладала к тому же опасной грацией, лукавой чувственностью, что скрывали, как покров, ее суть. Северин часами сидел за столиком и пил темно-красное вино, которое подливала ему Карла. Он не принимал участия в веселье, шумевшем вокруг, но не способном его пробудить. Среди всеобщего буйства он оставался наедине с Миладой, лелея мысль о часе, когда она опять будет принадлежать только ему.

На рассвете, допив бокал, Северин покидал заведение. Фонарщик с длинным шестом за плечами гасил последние огни. Навстречу попадались весело болтающие женщины с большими корзинами на спинах. Это торговки шли на зеленый рынок продавать овощи. Дома он валился в постель и засыпал, не раздеваясь.

Однажды он так же вышел из ресторанчика и за дверями обнаружил Натана Майера. Скривив рот в едкой улыбке, Майер поздоровался и прошел с Северином квартал-другой. На прощание покачал головой и нервно хмыкнул.

— Она шлюха! — принялся повторять он сквозь зубы, и Северин не понял, насмехается он или предупреждает.

Русский смотрел на него со странным, чуть не отеческим выражением лица.

— Северин, она тварь... поверьте... тварь!

7

Языками пожара, взмывающими в высоту небес и озаряющими ночь грозным светом, ворвалась любовь Милады в жизнь Северина. Девушка бросила его после нескольких недель самозабвенной и своевольной страсти — и над ним вновь нависла леденящая мгла, душу объяли пугающие сумерки одиночества. Мысль о том, что он снова одинок, казалась невыносимой. Пламя оставило от него лишь пустую оболочку, но Северин никак не мог уразуметь, что стоит на пепелище и корчится от боли в жутких гноящихся ожогах. С неистовством обреченного он упорно шел наперекор судьбе.

Каждый день он ожидал в своей комнате ее прихода. Стрелка часов на столе со стуком перемещалась по циферблату, пока не наступала ночь. Милада больше не появлялась. Как-то он в отчаянии бросился на пол, из разбитого рта закапали слюна и кровь, промочив ковер.

Вечером, явившись в ресторан, Северин схватил Миладу за руку. Он так впился в ее плоть ногтями, что девушка неуверенно вскрикнула, позвав на помощь, и сама яростно вонзила зубы в его запястье. Наконец ей удалось высвободиться.

— Видеть тебя не желаю! Все кончено!

Исполненный горечи Северин выскочил на улицу. Порыв ветра сорвал с его головы шляпу, но он даже не заметил этого. Оглушенный несчастьем и охваченный ужасом, он несся сквозь ночь в бесплодной попытке убежать от себя. Вдруг рядом с ним выросла фигура полицейского, приказавшего остановиться. Северин разразился проклятьем и помчался дальше.

Он очнулся лишь в полях за окраиной. Дыхание хрипло вырывалось из горла, сердце громко стучало, будто выпрыгивая из груди. Северин рванул воротник, и постепенно ему удалось прийти в себя. Тучи на хмуром небе разошлись, в прогалину выглянула луна. Северин узнал местность. Поблизости виднелась ферма, давно покинутая хозяевами. Ле-

том за ее потрескавшимися стенами устраивались на ночлег бродяги. Время от времени туда забредали старьевщики в поисках мусорных сокровищ.

Тропинка быстро привела к шоссе. Там высилось новое фабричное здание, а за ним начиналось кладбище. Северин не бывал в этих краях с похорон доктора Конрада. Он вспомнил пролетевшие с того времени дни и вновь, разбитый и ошеломленный, вернулся к действительности. Луна исчезла, на полях воцарилась тьма. Северин опять бросился бежать. Он убегал все дальше и дальше от города, чьи тусклые огни маячили за его спиной. Ночной ветер трепал волосы и холодил голую грудь под расстегнутой рубашкой. Мало-помалу Северин успокоился, бурление в крови улеглось. У решетки кладбищенских ворот, недалеко от могилы Конрада, стояло дерево, некогда преследовавшее Северина даже во сне. Пробегая мимо, он рассмеялся, поднял комок земли и швырнул его через ограду.

Вдруг навалилась малодушная усталость. Он вспомнил о заброшенной ферме у дороги. Если он укроется там до утра, то в город больше не вернется. Хотелось спать. Он как-то читал об этой ферме в газетах. Там, в груде мусора, нашли труп офицера, покончившего с собой. Северин знал его: офицер был завсегдатаем «Паутины». Это Карла принесла в ресторан весть о его смерти. Тогда новость ничуть не взволновала Северина, ослепленного и оглушенного любовью. Сейчас ему открылась взаимосвязь. Его захлестнула отчаянная, ядовитая ненависть; он поднял руку и погрозил кулаком в темноту.

* * *

С той ночи началось падение Северина. Упрямая жажда жизни, присущая ему и не раз помогавшая превозмочь все неурядицы и беды, обрушилась под натиском безнадежной печали. Он сказался больным и перестал ходить на работу. Неспособный что-либо делать и думать о чем-то

ином, он с наслаждением бичевал себя, смакуя боль и снова и снова возвращаясь к ее истоку. Часы безучастной отрешенности сменялись дикими приступами ожесточенной ярости. На губах выступала пена, он истошно кричал, вжавшись лицом в подушки на постели. Кулаком он разбил гладь зеркала, отражавшую его нахмуренный лоб и мертвый от бессонницы взгляд. Люди на улице, завидев его таким, с посеревшим лицом и набрякшими от слез веками, предусмотрительно обходили его стороной.

В таком состоянии Натан Майер однажды обнаружил его перед зажегшей вечерние огни «Паутиной». Стуча зубами, Северин смотрел на фонарь у входа. Натан подошел к нему и положил руку на плечо.

— Не надо туда заходить! — сказал он.

Голос его звучал мягко: таким ласковым и вкрадчивым тоном обычно говорят с детьми.

— Северин, не стоит туда идти!

Затем он подхватил его под руку и повел вверх по лестнице к себе в кабинет. Северин шел с ним, не пытаясь сопротивляться.

— Что вам нужно от меня, Натан? — только и спросил он, доверив ослабевшее тело статному спутнику.

Наверху Майер включил свет и усадил гостя в кресло, раскрыв перед ним коробку с длинными тонкими сигаретами, привезенными с родины. Сам он беспрерывно курил их одну за другой.

— Угощайтесь! — сказал он и принялся длинными шагами расхаживать по комнате. Северин сидел и слушал его. Речь шла о том же, что и когда-то в кафе. Короткими, взволнованными фразами русский предрекал войну против всех. Но сквозь завесу слов прорывалось и нечто иное: дружеское участие, искренняя забота, казавшиеся Северину в устах этого человека особенно трогательными и необъяснимыми.

— Что вы от меня хотите? — еще раз спросил Северин.

Натан Майер застыл перед собеседником.

— Вы очень симпатичны мне, Северин!

Он с улыбкой наклонился ближе.

— Вы один из нас! Один из Гильдии!

— Какой еще Гильдии?.. О чем вы?

Но ответа на вопрос Северин не получил. Натан, звякнув связкой ключей, отпер письменный стол.

— Можете пока посмотреть, что здесь, а я спущусь вниз, добуду бутылку вина... Осторожно, сигарету держите подальше!

Северин встал и с любопытством выдвинул тяжелый ящик стола. Натан Мейер ушел, оставив его одного во внушающей странные ощущения комнате с книжными полками до потолка и мерцающим на полированных плоскостях старой мебели светом лампы. В ящике покоились всевозможные фугасные бомбы, ручные гранаты, круглые и прямоугольные коробки с белыми запальными шнурами.

Северин нагнулся над открытым ящиком. Мозг обожгло сладостным желанием, руки затряслись от волнения. Придирчивый взгляд останавливался на каждом предмете. В самой середине, подобно черному сердцу, лежала небольшая бомба примечательного вида. Северин схватил ее и сунул в карман.

— Ну как? — спросил Майер, вернувшись с полным графином и двумя стаканами. — Детские игрушки! — пренебрежительно добавил он, глядя на молчащего Северина, и запер стол. — Давайте-ка лучше поднимем бокалы за Гильдию!

8

Шли недели горького, растерянного одиночества, и Северин больше не мог сдерживать желание увидеться с Миладой. Бескровный дух, живший в его фантазиях и ускользающий от него во тьме ночей, неизменно манил туда, где огни ресторана разливались по улочке широким ослепительным кругом. Предупреждение Натана не нашло отклика в его душе. Исполненный стыда и опустошенный тоской, Северин вновь оказался в «Паутине».

Он был не в силах обойтись без этой последней, самой болезненной пытки. Милада смотрела сквозь него, будто сквозь какого-то случайного, незнакомого посетителя. Однако ее чувственные интонации и глаза с лукаво пляшущими в глубине зрачков золотистыми искорками разжигали в нем память о ее страсти и гибельной, злой любви. В воспоминаниях он ежечасно возвращался к вечеру, когда Милада, переодевшись монахиней, явилась к нему. Он дрожал и таял под ее поцелуями, воображая, что заключил в объятия призрака, застигшего его врасплох летом в тени акаций.

Он сидел, подперев лоб руками. Сквозь скрещенные у глаз пальцы наблюдал, как Милада шутит с гостями, и любовался очертаниями ее тела под платьем. Букинист Лазарь покачивал Миладу на коленях. Его лысина прижалась к груди девушки, и Северин видел, как под натянутой кожей на черепе проступили бугры. Вспомнился вечер, когда он с булыжником в кармане несся через город, намереваясь убить человека. Милада поигрывала с неухоженной бороденкой на дряблом лице книготорговца, и ее светлые глаза затуманились — Северин знал эту поволоку. В горле слизняком застряло омерзение. Он опрокинул в себя остатки вина и вышел на улицу.

* * *

Над спящим городом распласталось темное и бездонное зимнее небо. Не было видно ни звездочки. За уходящей осенью волочился шлейф липкого, пробирающего до костей тумана, моросью рассеивающегося по мостовой. Мерцал огонек над тележкой с горячим чаем; возле нее, весело переговариваясь, перекусывали две девицы в шляпках с перьями и ярко-желтых пальто. Северин тоже подошел и купил пару сигарет. Одна из девиц заговорила с ним и попросила двадцать геллеров. Он полез в карман и сунул ей горсть мелкого серебра.

Им овладело горькое, мертвящее равнодушие. Он не знал, куда пойти и с чего начать. Из дверей соседнего бара пахнуло спиртным, и швейцар в приветствии приложил руку к фуражке. Северин подумал о годах, проведенных в подобных заведениях. Его пронзила острая тоска по тем временам. Тогда у него было где укрыться. Он не чувствовал себя одиноким в своем убогом, тесном мирке; его товарищами были простодушные желания, пьяные думы о величии и обманчивости вселенной. Но сейчас глаза его открылись. Испепеленный и замаранный, потрепанный и лишенный сил, он пошел по кривой дорожке, на которую его толкнула ресторанная девка.

Теперь-то он понял, почему Натан Майер произнес то слово. Он подумал о людях, для которых свет жизни оказался миражом. О циниках с грязными руками; париях, гонимых по улицам животным страхом; убийцах и тех, на ком лежит печать смерти. Это была та самая Гильдия, и Северин принадлежал к ней.

Он всегда чувствовал это, даже будучи ребенком, с головой погружавшимся в книги и жаждавшим приключений. Блеклый костер его источенной червями юности уже тогда чадил красноватым дымком, исходившим от скверны, затаившейся в сердце. Счастье других было для него детским ребусом. Он походя играл с судьбой и проскочил мимо всех ловушек, ухитрившись не покалечиться.

Северин огляделся и обнаружил, что сделал круг. Перед ним опять мерцал огонек над тележкой с чаем, во тьме белел фартук торговца. Северин подавил рыдание. У торгов-

ца был дом, и свечной огрызок за разбитым стеклом фонаря дарил ему мирный свет.

А как же он, Северин?

Из глубины души поднималась боль. Милый, похороненный под наносами сора и грязи женский образ поднял к нему скорбный лик. Однако он поспешно отвел взгляд, не желая смотреть.

Но вдруг? Неужели это возможно?..

Тихая, постыдная слабость охватила тело. Северин опустился на колени у входа в какой-то подъезд и прижался лбом к холодным ступеням каменного крыльца. Он сложил руки и закрыл глаза, и прямо над ним, на зажатом меж стенами проулка клочке неба, робко проглянула и заискрилась звезда.

* * *

Утро едва забрезжило сероватым светом, когда Северин поднялся с колен и направился в сторону Староместской площади. На стенах проступили небрежные буквы пестрых уличных реклам, торговец чаем засобирался домой. У аптеки стояла бабенка с бледным от ночных волнений лицом и звонила в колокольчик.

Заспанный привратник попытался было остановить Северина вспотевшей ладонью, но удовлетворенно кивнул, узнав запоздалого гостя. Тот сунул ему монетку и поднялся по лестнице к Зденкиной двери. Сердце учащенно колотилось. Наконец он решился постучать.

В комнате послышался шорох.

— Кто там? — спросили его.

— Это я, Северин!

Дверь приоткрылась, и горячая рука втянула его внутрь. На столе горела керосиновая лампа под зеленым абажуром. Зденка была в ночной сорочке. Светлые пряди кольцами разметались по шее, девушка дрожала от холода.

— Зачем ты пришел ко мне? – тихо спросила она.

Северин снял шляпу и держал ее в руках. Глаза его блуждали по комнате, точно прощаясь. Утренние лучи пробивались сквозь занавески, и свет лампы казался блеклым и жалким. Возле кровати стоял шкаф, в котором Зденка хранила одежду и белье. Фиолетовая фарфоровая ваза на комоде как-то упала и треснула, краска на ручке облупилась. Из вазы торчал засохший букет, еще летом собранный ими во время прогулки в лесу.

Зденка смотрела на Северина и ждала. Сквозь сорочку проступала грудь, девушка ежилась от холода. Заученным, механическим движением Северин протянул к ней руки. Но тут же опустил.

— Ты зачем здесь?..

Он повернулся и вышел прочь.

9

Ветер, с грохотом трепавший днем жестяные вывески торговцев, унялся. Тихий вечер принес ясные небеса и прекрасное сияние бледного солнца. Северин выпрямился на скомканной постели и поглядел на часы. Долгий сон после бессонной ночи не дал отдохновения. Северин смыл с себя жаркую дрему и с особым тщанием оделся.

На улице ему навстречу попались оживленно болтающие компании гимназистов, возвращающихся после уроков. Северин смотрел на них с неясным чувством зависти. Хорошая погода выманила людей из домов, и многочисленные гуляющие заполнили тротуар, останавливаясь поглазеть на витрины магазинов. Девушки в нарядных бархатных шляпках на кокетливых прическах протискивались сквозь толпу. На перекрестке застыла влюбленная пара и любовалась закатом. На крыши легли багряные полосы лучей, расцветив дымовые трубы. В блистающих небесах внезапно зажглось светом пухлое облако и позолоченной громадиной поплыло над Карловой площадью.

Северин неспешно шел своей дорогой, с холодной решимостью и любопытством взирая на мир. Эта смутность ощущений всегда внезапно обрушивалась на него вслед за чувством изнуренности, и он без боя покорялся ей. Сознание отделялось от него и начинало жить самостоятельной жизнью. Перед ним панорамой раскидывались картины прошлого и настоящего, и ему оставалось лишь удивленно и безвольно наблюдать за собственным бытием. Лица проходивших мимо людей и знакомые очертания домов обретали новую, несвойственную им резкость и притягивали к себе его взгляд.

На углах расположились торговцы каштанами со своими жаровнями. Город залило уютное сияние. По тротуару неуклюже шаркала сморщенная старушка с клюкой. У подъездов стояли длинноволосые студенты и болтали со служанками. Голубые сумерки мягко окутывали улицы тенями. У костела Крестоносцев уже зажгли фонарь, и воздух сверкал разноцветными бликами.

Северин поднялся на мост. От воды дохнуло холодом, выстудив остатки прежнего настроения. Ножом полоснули воспоминания, раскромсав обманчивую игру разума. По реке разливался вечер. Меланхолично прогудел автомобиль с большими молочно-белыми фарами, колокола часовенки у подножия замковой лестницы позвали к молитве. Северин шел мимо черных статуй у парапета. Он впился зубами в язык; кровь, горькая как полынь, наполнила рот. Нет, не таким он знал этот город: сейчас перед ним раскинулась эстрада, на которой суетились славные горожане и горожанки, а святой Непомук лицемерным стражем стоял над Влтавой.

Когда Северин вышел на Малостранскую площадь и свернул к памятнику Радецкому, почти стемнело. У ворот гауптвахты расхаживал часовой с ружьем на плече, арки старинных зданий окрасились в тона пожелтевших от времени гравюр. Потом Северин поднялся по Шпорной улице к Градчанам. Нет, иным он знал этот город... Улицы спутывались в лабиринт, на каждом пороге притаилась беда. Сердце трепыхалось меж сырых, враждебных стен; тьма проникала в слепые окна, умертвляя души спящих. Сатана везде расставил силки. В церквах и в домах блудниц. В их смертельных поцелуях обитало его дыхание; облачившись в рясу монахини, он отправлялся на разбой...

У входа во двор замка Северин огляделся. Стало совсем темно, под ногами раскинулась Прага в слезах фонарей.

Где-то забрехал пес, его испуганный лай будто вырывался из глубин, из заброшенной шахты под кривыми улочками Градчан...

* * *

Сегодня «Паутина» с раннего вечера была переполнена гостями. Лазарь угощал шампанским, сыпались сальные шутки. Праздновали день рождения Милады.

В зале собралось немало тех, кто был знаком еще по вечеринкам доктора Конрада. Лазарь пригласил всех. Николай собственной персоной восседал среди прочих, серьезный и скучающий; пришел и рябой художник, который жил теперь с белокурой Рушеной. Милада, пребывавшая в игривом настроении, царила за столом. Ее бесстыдное кокетство очаровывало мужей и вдохновляло юнцов. Она выпивала то с одним, то с другим, касаясь алым язычком бокала каждого. Лица загорались от желания, взоры жадно ощупывали зеленое платье. Кто-то предложил устроить лотерею, а собранные деньги при первом удобном случае пропить; под всеобщее ликование и смех Милада выразила готовность принадлежать победителю. Цена билета была высока, но участвовать в розыгрыше решили едва ли не все. Северина встретили громкими возгласами.

— Не хочешь купить последний билет? — бросила Милада.

Она показала Северину зажатый в пальцах белый листок.

— Что я могу выиграть? — спросил он.

— Меня!

Он молча вложил ей в руку последние деньги и забрал бумажку.

Начался розыгрыш. В ведерко для шампанского бросили номера. Игроки с криками столпились у стола. Безумное волнение не отпускало участников. Лица раскраснелись от вина, напряжение искажало черты гримасами, во взглядах было нечто звериное.

Милада, с завязанными глазами, потянулась к ведерку. Пока она доставала и разворачивала билет, в зале царила тишина.

— Да ты счастливчик, Северин! — со смехом сказала Милада.

Все завистливо молчали.

Северин шагнул вперед. Гулко стучало сердце, кровь отлила от лица. Над головой он держал предмет, украденный не так давно из ящика письменного стола Натана Майе-

ра. Запальный шнур белым червем вился по руке.

Кто-то в ужасе закричал:

— Бомба!

Этот возглас взбудоражил всех.

— Я пришел убить вас... — хрипло произнес Северин и воспаленными глазами посмотрел на лампу.

Николай взял бомбу у него из руки и, как ребенка, погладил Северина по щеке.

— Почему? — мягко спросил он.

— Потому что я вас всех ненавижу!..

— Так что же ты нас не взорвал? — прошептала Милада и, приоткрыв рот, посмотрела на него. Она выпрямилась и коснулась его грудью.

— Вот и я в выигрыше!..

Смертельный стыд подкосил колени Северина. Он опустился на пол и прижался лицом к ее бедрам. Рыдания рвались из его груди, и Северин заплакал. Но пьяный хохот вокруг обратил его слезы в грязную жгучую жижу.

Приложения

Анджело Мария Рипеллино

ИЗ КНИГИ «МАГИЧЕСКАЯ ПРАГА»

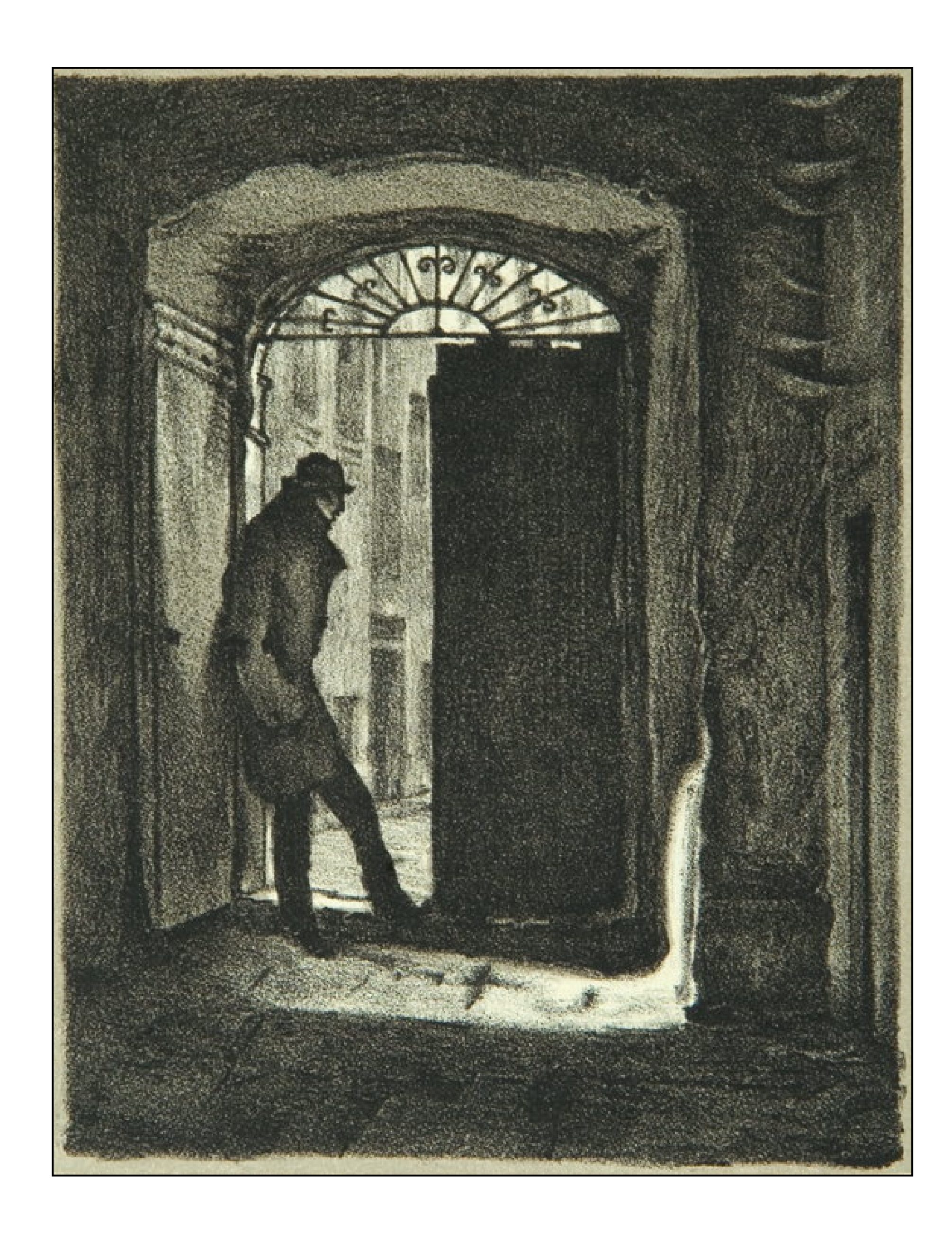
Мы можем изучать по произведениям пражских писателей двойственное освещение Праги, ее непрерывное сверкание в тумане, ее фосфоресцирование. «Стеклянным оскалом / блестят фонари над мостом», — говорит в стихотворении «Возвращение» («Navrat», 1921) Иржи Волькер, а Кафка в «Описании одной битвы»: «Влтава и кварталы на том берегу были погружены в ту же тьму. Некоторые лучи там пылали и сияли, словно бдящие очи». Сколько агонизирующих газовых фонарей горело, вспыхивая попеременно, в «Prager Gespensterroman»* «Хождение Северина во мрак» («Severins Gang in die Finsternis» 1914) Пауля Леппина: «Гроза разбивала надвое позвякивающее стекло фонарей»; «Перед костелом Крестоносцев зажегся ранний фонарь и наполнил воздух стеклянными тонами»; «Электрические фонари уже сияли, подвешенные, словно луны на деревьях». В романе Леппина не только в Праге, но и в небе есть фонари: «звезды поздним летом горели как красные фонари».

Герой романа, Северин, тоже принадлежит к семейству ночных пешеходов — пораженный, он блуждает по таинственному, потустороннему городу, сверкающему мерцающими газовыми фонарями (Gaslaternen). «Стемнело, и Прага с ее печальными огнями лежала у его ног». «Под ним в долине простирался город. То тут, то там сверкали огни, словно глаза сонных зверей вдали». Северину двадцать три года, он бросил учебу, утром работает в конторе, где его тело пронизывают холод и тоска. Он возвращается домой после обеда и падает без сил на кровать, чтобы проспать до вечера. Но вечером, только зажгут фонари, он выходит на улицу и бродит, словно в китайском театре теней, меж чахлых и мигающих подобий фонарей, на которые можно повесить бирку «absonderlich»** — «сделано в Праге». Побледневший, взбудораженный, встревоженный, подобно уносимой ветром лани, он перемещается из одного заведения в другое, из какого-нибудь «Nachtkaffee» в какой-нибудь кабачок, не находя покоя.

---

* «Пражский роман-призрак» (*нем.*).

** «Странный» (*нем.*).

В хрупком сюжете романа чувствуется болезненная усталость, надлом, доводящая до слез неизбывная «Zartlichkeit», нежность. Трудно не уловить связь между лихорадочным блужданием героя Леппина по ошеломившему его городу и мимолетностью его любовных увлечений; между боязливостью и неуемным любопытством, с которыми он, подобно лани, пускается в свои изнурительные ночные прогулки по «лабиринту», и той неустойчивой чувственностью, что бросает его от одной женщины к другой в моменты пылкого опьянения. А затем неизбежно наступает депрессия, от которой нет спасения.

Леппин, «певец той, печально угасавшей, старушки Праги», как писал Макс Брод, был «поэтом вечного разочарования». Его «пешеход» — лишь скромная тень в съежившемся городе, подобном личинке ночного мотылька, словно сотканном из ночных чудес и сияния фонарей, страшащемся дневного света. Потому что, говоря словами Карела Гинека Махи, «свеча боится солнца словно вора».

Макс Брод

ИЗ КНИГИ «ПРАЖСКИЙ КРУГ»

Пауль Леппин, больной, физически изнуренный неизлечимым тогда недугом, по характеру нелегкий, все-таки обладал и общительной стороной, загадочной чудинкой, даже проказливостью. Как Ведекинд, он играл на лютне и под такой аккомпанемент пел куплеты собственного сочинения, насмешливые и далеко не салонные. В Объединении деятелей изобразительных искусств он никого не щадил. Две такие песенки (точнее, одна плюс обрывок другой) моя память сохранила до сих пор. Поскольку они, скорее всего, нигде не публиковались, я приведу их ниже. Я воочию вижу Леппина, сидящего в кресле, с сардонической усмешкой на губах, а перед ним лютню с бантом. Слышу его хриплый голос, глухой, надтреснутый. Из первой песенки я помню только один куплет, а потому поясню: речь там идет о неком профессоре пражской Академии художеств, человеке весьма вульгарном и пошлом, о котором говорили, что в Вене у него есть красавица-невеста:

Его взогреть одна модель
Себе поставила за цель.
Но поцелуям он не внял.
Назавтра в Вену он бежал.

Последняя строка рефреном повторяется в конце каждого куплета — как финал критической ситуации, этап искушения...

Вторая песенка, очень популярная у слушателей, — она называется «Весенняя песня» (*Frühlingslied*) — пояснений не требует:

Мясо — цены-то какие!
Вешняя пора настала,
И за этот год впервые
Много граждан ванну взяло.

Под луною скользкой, сальной
Бродят даже домоседы,

И у памятника Карлу
Собираются кинеды.

Без бюстгальтеров мамзели,
Соблазнительны повсюду,
Снова вышли на панели,
Зная нашу тягу к блуду.

В голове у всех зараза —
Утолить такую жажду.
Кто-то поумнеет сразу,
Кто-то — заразившись дважды.

Может быть, все-таки нужен небольшой комментарий? Кинедами (слово это не больно изысканное) античные поэты называли педерастов. А проясняется ситуация, только если смотреть на стоящий у Староместской мостовой башни памятник Карлу IV с некоторого расстояния и под определенным углом. Большинство пражан знает, что тогда булла с печатью, которую император держит в правой руке и довольно низко, выглядит как кое-что совсем другое... Ну, хватит об этом!

Конечно, такие и сходные шутки вкупе с подобными же мальчишескими шалостями, словно тонкие арабески, словно блуждающие огоньки, лишь окаймляют по самому краю черную бездну, какую в общем и целом являет собою земное бытие поэта Леппина. Его песня шла из безнадежности, из неблагополучности грандиозно задуманной, но бестолково растраченной жизни, о чем словно бы возвещает уже название его первого поэтического сборника — «Колокола, зовущие во тьме» (*Glocken, die im Dunkeln rufen*). Эта певучая гармония, это космическое недовольство миром, ненасытность и одновременно христианский аскетизм сулили многое. Что-то вроде немецко-богемского Бодлера, но без его спасительного «сплина» и гордыни. Poeta christianissimus*. «В его лице неповторимым образом отража-

---

* Христианнейший поэт (*лат.*).

лось самое искреннее и веселое отчаяние, а вместе с тем чувство, совершенно с ним не соединимое, — глубокое отвращение к жизни». Кое-что звучало как Рильке в миноре. Солнце средь облаков почти никогда не появлялось; упоение было тягостным, не ведало полета, что увлекал за собою более счастливого собрата, каким мне порой казался Рильке... Если Леппин воспевал fleurs du mal*, то они были покрыты пылью, побиты дождем, тронуты тленом, нечисты. А когда он иной раз открывал свои секреты, как в назидательной популярно-философской книге «Венера на путях заблуждений» (*Venus auf Abwegen*), самом слабом его произведении, то подчас они оказывались весьма банальными. Однако в романе «Севериново сошествие во тьму» (*Severins Gang in die Finsternis*) он, по сути, воссоздает Прагу, свой любимый город, рисует ее меланхолично-трогательными штрихами, подобно тому как его великий земляк Альфред Кубин рисует в язвительной своей дьяволиаде «Другая сторона» город Перле. «Сумерки все больше сгущались, когда Северин прошел под сводом меж башен Мала-Страны и свернул к памятнику Радецкому. У ворот гауптвахты расхаживал солдат с винтовкой на плече, а старинная площадь с аркадами приняла оттенок пожелтевших гравюр. По Шпорнергассе Северин поднялся к Градчанам. Город, который он знал, был другим... Его улицы запутывали, сбивали с толку, а на порогах подстерегала беда. Сердце там билось меж сырых, предательских стен, ночь кралась там мимо ослепших окон и во сне убивала душу. Повсюду сатана расставил свои ловушки. В церквах и в домах распутниц. В их губительных поцелуях обреталось его дыхание, и в одеждах монахинь он выходил на разбой...»

И начинается этот роман по-кафковски просто, правдиво: «Той осенью Северину исполнилось двадцать три года. Вернувшись после обеда домой, он, совершенно выдохшийся от мучительной конторской работы, падал у себя в комнате на черный кожаный диван и до вечера спал. Лишь когда на улице зажигались фонари, он выходил из дома. Толь-

* Цветы зла (*фр.*) — намек на одноименный сборник Бодлера.

ко летом, когда дни были долгими и жаркими, ему удавалось на своих путях-дорогах встретить солнце. А еще — по воскресеньям, когда весь день был в его распоряжении и на прогулках он вспоминал свое недолгое студенчество. После двух или трех семестров Северин бросил учебу и поступил на должность. Теперь он проводил предполуденные часы в уродливой конторе, склонясь болезненным и безусым мальчишечьим лицом к колонкам цифр. Нездоровое, нервозное недовольство вместе с комнатным холодом расползалось по его телу, и тогда в нем пробуждалась еще и тревога. От унылого однообразия дрожали руки. Тяжкая усталость буравила виски, и он пальцами давил себе на глаза, пока не становилось больно». «Пражский роман с привидениями» — таков подзаголовок печально-волнующего повествования. Замечу для ясности, что Леппин (об этом мне стало известно много позже), как и я, работал в почтовом ведомстве, но в еще более скверном и низком по статусу подразделении, где требовались чисто механические навыки, — в «расчетном отделе». И если мне, правда с напряжением всех сил, после нескольких лет удалось-таки вырваться из убожества мерзкой службы (которая навсегда сделала меня чутким к страданиям рабочего класса), то бедняга Пауль Леппин увяз в мутном болоте ненавистного дела.

Книга стихов, вышедшая в свет довольно поздно (ближе к катастрофе Праги) под названием «Разноцветная лампа. Старые и новые стихи» (*Die bunte Lampe. Alte und neue Gedichte*; Prag: Die Bucherstube, 1928), воздвигла ему достойный памятник. В том же издательстве и в тот же год было опубликовано и его последнее прозаическое произведение, бесконечно скорбная, обвиняющая «Речь детоубийцы перед судом человечества» (*Rede der Kindesmorderin vor dem Weltgerich*t). Я узнал, что изданием обеих книг озаботился Отто Пик; их публикацией этот на редкость энергичный человек, который начал сборником проникновенной лирики «Отрадное переживание» (*Freundliches Erleben*; одно из стихотворений там посвящено мне), сделал не менее великое дело, чем переводами произведений Чапека, Франтишека Лангера, Шрамека.

В позднем собрании стихов Леппина читаем в финале «Песни к моей юности» (*Lied an meine Jugend*) звучные строфы:

Я спал в канавах и сидел на тронах,
Я брел сквозь жар любви и сквозь мороз —
Возлюбленных я видел то в коронах,
То видел их в венках из ярких роз.

Ты жгла, как пламя,— и твое горенье
Мне ранило и освежало грудь.
Царица ты, звезда и приключенье,
Навек благословенна будь!

Но немногим дальше стоит стихотворение «Голгофа» (*Golgatha*), где он видит себя распятым. Смиренные, великолепные, зловещие строки. «Как жизнь моя, конец мой безысходен!» Сарказм на грани кощунства.

Этого поэта, в чьих песнях говорят душевное злосчастье и бездомное отчаяние, я любил больше, чем кого-либо еще вне моего «узкого кружка». О нашей первой встрече он сам поведал в упомянутой книге «Писатель, мыслитель, помощник»:

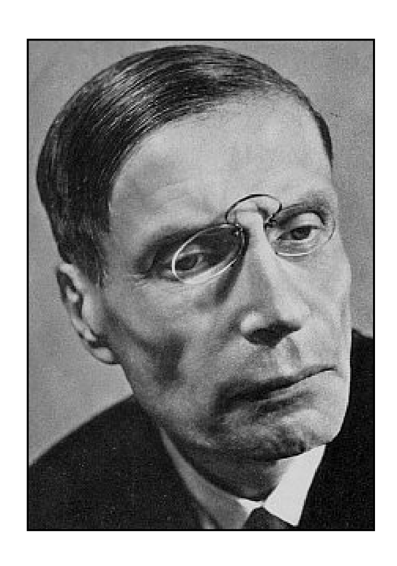
Случилось это в старом, пролетарски запущенном доме моих родителей, где я провел детство и первые годы взрослой жизни. Деревянные ступени скрипели в полутемных лестничных клетках, галереи с шаткими железными перилами окаймляли задний фасад, с них открывался вид на дворовые садики, где шныряли кошки и босоногая детвора. И вот лет этак тридцать назад среди этой нищенской скудости и мещанского запустения появился модно одетый юноша: одна из пражских студенческих корпораций поручила ему передать мне приглашение от ее литературной секции. Как сейчас, вижу нас в голой окраинной комнатушке — себя, старшего, недавно выпустившего свои первые книги, и его, незнакомого, чей резкий профиль осенен творческими амбициями. В ходе разговора выясняется, что мы оба сотрудничаем в одном литературном журнале, что в гостях у меня новый писатель, ни о грядущем взлете которого, ни об интенсивной со-

зерцательности я в ту пору даже не догадывался. Так я впервые встретился с двадцатилетним Максом Бродом, упомянутый журнал — это берлинский «Magazin fur Literatur», а руководил им молодой Якоб Хегнер, который тогда еще был вынужден носить весьма помпезное имя Жан-Жак, но обладал безошибочным нюхом на будущую литературную дичь. В одном из последних номеров Брод как раз напечатал маленький рассказ «Спаржа» (*Spargel*), очень мне понравившийся, и вот теперь автор его сидел рядом со мной в маменькиной гостиной, на дешевом парадном диване... В последующие годы, когда оба уже успели жениться и ранняя юность миновала, мы с Бродом не раз сталкивались в бурной суете нашего города. На концертах, в театрах, на праздниках и артистических встречах, на вечеринках у общих друзей нас снова и снова соединяли невзначай завязавшиеся узы серьезности и юмора, симпатии и убеждений. Между тем творчество Брода, прочно укорененное, неудержимо набирало зрелость. Устремленность воли к исполнению программы, которую он страстно пытался сформулировать, была столь же неослабна и неколебима, как и его могучая работоспособность. И вдруг свершилось, стало неоспоримым фактом то, что всегда считали невероятным в условиях, когда творческий человек оставался здесь, дома, а не шел проторенной дорожкой литературных взаимосвязей по ту сторону границы. Отсюда, из Праги, чья рыхлая в те годы общественная структура и замедленный темп, казалось бы, не способствовали широкому успеху, он сумел добиться европейского авторитета, аккумулировать талант, требовательный, притягательный, воздействующий на дальнем расстоянии. Мы толком оглянуться не успели, как Брод стал знаменитым писателем... Я пишу эти строки не затем, чтобы представить творчество Макса Брода в его составляющих. К манере Брода чувством постигать мир, узорным хрустальным кубком черпать вековечный отблеск вещей я всегда питал глубокое уважение, касавшееся не только благородной игры чудесами земного духа, но куда больше и безусловнее — сильной веры, которая действовала тут, задавая направление. Как еврей он отвергал личину национально-немецкого и выступал глашатаем и братом народа, чью кровь унаследовал, — в этом сквозила гордость, достойная любви, и самая суровая правда. Политическое развитие последних месяцев подтвердило его позицию.

Мне кажется, в сердце Леппина, который отнюдь не был

холодно-рассудительным философом, жил мой идеал — «любовь на расстоянии». В ту пору я еще не успел его сформулировать. А значит, он, пожалуй, есть существующее вне нас, то бишь объективная реальность. Кстати, в этих же строках Леппин четко отграничил собственную свою манеру, неоромантический реализм, от моего платоновского реализма, зиждущегося на абсолютном, устремленного к вере.

Хождение Северина и его автор

Пауль Леппин прожил всю жизнь в Праге и более 30 лет проработал в почтовом ведомстве — странная и напоминающая о его младшем современнике Ф. Кафке биография для человека, которого называли «королем пражской богемы». Впрочем, по ведомству почты работали и другие литераторы из современников и знакомцев Леппина — например, друг и биограф Кафки М. Брод или И. Карасек из Львовиц, ставший директором библиотеки, архива и музея почтовой службы.

Пауль, второй сын часовщика Йозефа Леппина и учительницы Паулины Шарзах, родился 27 ноября 1878 г. Его родители перебрались в Прагу из провинциального моравского Фридланта незадолго до свадьбы, однако их надежды на лучшую жизнь в богемской метрополии не сбылись. Позднее Леппин описывал «нищенскую скудость» и «пролетарскую запущенность» родительского дома, где провел детство и юность. Его отец стал письмоводителем в адвокатской конторе, Паулина заботилась о сыновьях.

Все та же злосчастная бедность семьи не позволила Леппину поступить в университет. После окончания гимназии и сдачи экзаменов на аттестат зрелости он в 1897 г. поступил на службу в

Дирекцию почты и телеграфа. Рутинная, выматывающая силы и душу конторская работа, как у героев Кафки — один из ключевых элементов его странной (стоит ли добавлять — во многом автобиографической?) книги *Хождение Северина во тьму*, вышедшей 17 лет спустя.

Но по вечерам этот скромный счетовод преображался в завзятого декадента. Рослый, в огромной шляпе и артистическом пестром шейном платке, он бродил по кабачкам и борделям, сочинял и исполнял непристойные песенки и устраивал сценки и танцы с переодеваниями.

Леппин быстро стал известен в художественных кругах Праги не только как богемный любитель шумных вечеринок и сомнительных развлечений, но и организатор литературной жизни.

В 1899 г. он опубликовал свои первые стихотворения и рецензии, в том же году присоединился к «Союзу немецких деятелей изобразительного искусства в Богемии» — вольному объединению художников, писателей и других артистических натур, созданному в противовес консервативному союзу немецких писателей «Конкордия». В числе соратников Леппина были будущие иллюстраторы его книг, художники Р. Тешнер и Х. Штайнер-Праг, а также банкир и писатель Г. Мейер, которому предстояло прославиться под псевдонимом Г. Майринк (по мнению ряда современников, он-то и был «выведен» в *Хождении Сееверина* в образе Николая).

В 1900-1901 гг. Леппин издавал литературные листовки *Весна* — среди прочих, в них публиковались С. Цвейг из Вены и вскоре покинувший Прагу Р. М. Рильке.

Рильке был не единственным. В сравнении с Берлином или Веной Прага была отсталой провинцией. Многие друзья и соратники Леппина рвались прочь из душной атмосферы и «тюремных стен» города, как выразился Майринк, сам уехавший из Праги в начале 1900-х гг. Леппин, испытывавший к Праге то же чувство «отвращения, почти доходящего до ненависти» и одновременно «глубокой любви» — это цитаты из его письма к невесте — не смог и не захотел покинуть родной город.

В1901 г. Леппин опубликовал новеллу *Двери жизни*, в 1903 г. — сборник стихотворений *Колокола, зовущие во тьме*, в 1905 — первый роман *Даниэль Йезус*, который был с интересом встречен в Германии, но заклеймен в Праге как упадочный и порнографический. Отображение «мучительных терзаний сексуальности», как объяснял свой роман писатель, стало для него одной из главных тем.

В 1906 г. Леппин совместно с Р. Тешнером попытался издавать журнал *Мы: Немецкие листки искусств,* начав с резких нападок на «общественный непотизм» пражских немцев, однако издание заглохло после второго номера.

В 1907 г. писатель женился на Генриетте Богнер (1885-1946). В 1908 г. у них родился сын Пауль, умерший в 1937 г. Молодая жена тщетно уговаривала Леппина переехать в Вену: «материнские когти» Праги, если воспользоваться метафорой Кафки, крепко держали его, и он до самой смерти прожил на Виноградах.

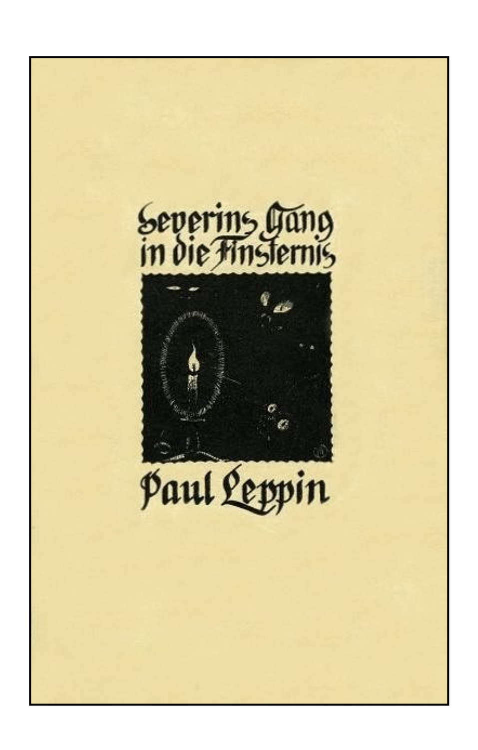
В 1908 г. вышел роман Леппина *Гора избавления*, в 1914 г. — *Хождение Северина*. Леппин называл эту небольшую по объему вещь романом и дал ей практически непереводимый подзаголовок «Ein Prager Gespensterroman», буквально означающий «Пражский роман с привидениями».

Хождению Северина во тьму предстояло стать наиболее известным произведением Леппина, что не назовешь случайностью: это квинтэссенция буквально всех тем и мотивов творчества писателя. Здесь и болезненная эротика, и сатанински прекрасные «цветы зла» (Леппин предстает плотью от плоти таких европейских декадентов, как Бодлер, Гюисманс и Пшибывшевский), и овеществленные фантомы, и метания между добром и злом, верой и неверием, светом и тьмой.

Вместе с тем, в этом чрезвычайно насыщенном романе проявляется то свойство прозы Леппина, что удачно охарактеризовал М. Шницлер: Леппин, пишет он, «проложил для немецкой литературы путь от модернистского декаданса к экспрессионистическому крику».

Путь этот был для Леппина достаточно прямым и естественным. Как замечает биограф и ведущий исследователь творчества Леппина Д. Хоффман, «его подход к сочинительству не был аналитическим или метафорическим в традиционном смысле, и он не создавал сплетения интертекстуальных и интеллектуальных отсылок. Ключом к действенной литературе были для него эмоции. Не сюжетная острота, а изображение атмосферы было главным во всех его творениях».

С середины 1980-х гг., когда начался литературный ренессанс Леппина, появился целый ряд немецких переизданий *Хождения,* по два различных перевода на чешский и английский языки, а также переводы на французский, итальянский и шведский. Можно составить и весьма солидную библиографию критических отзывов и литературоведческих работ.

Хождение Северина во тьму. Обложка первого издания
(Мюнхен, 1914)

Некоторые свойства романа и без того бросаются в глаза: не так трудно, к примеру, увидеть в Зденке и Миладе традиционную оппозицию божественного и дьявольского, «Венеры небесной» и «Венеры площадной» или «спасительницы» и «искусительницы». Женские образы романа, что также очевидно — эмблематические олицетворения этнически-интеллектуальных составляющих Праги («Чувственная и гордая Зденка выражает самое сильное — “славянское” начало города, Сюзанна — еврейское, Карла воплощает немецкий оккультизм, монашка Регина — мистическую сущность», пишет А. Тимошкин). Такого рода роман легко мог бы выродиться в схематичность, не надели Леппин своих героинь и героев жизненностью и неповторимыми чертами.

Хождение Северина порой не без оснований сравнивают с *Венерой в мехах* Л. фон Захера-Мазоха (к которой отсылает и имя героя, Северин, и вторая часть романа, где Северин становится рабом своей страсти к Миладе); Д. Хоффман и вовсе говорит о «пря-

мом влиянии».

Рассматривался роман, наряду с великолепным *Големом* Майринка, вышедшим годом позже, и как «выражение кризиса культурной идентичности пражской немецкой общины, утратившей свое социокультурное господство» (Б. Мурнейн). И действительно, острая культурная и национальная борьба между чехами и немецким меньшинством, как и другие социальные, культурные и этнические противостояния Праги, завуалированно отразились в *Хождении*.

Здесь нелишне заметить, что Леппин был одним из тех немецкоязычных писателей, что выступали выступавших за сближение и мирное сосуществование чехов и немцев. Он переводил стихи с чешского, писал статьи о чешской литературе и искусстве для немецкой периодики, публиковался в модернистском чешском журнале *Современное ревю* и был хорошо знаком с его основателями А. Прохазкой и уже упоминавшимся И. Карасеком.

При желании можно — что и делалось — соотнести *Хождение* с развитой литературной традицией европейского фланерства, как и, разумеется, с традицией готической. Кстати говоря, критики и интерпретаторы сломали несколько копий, пытаясь установить, есть ли в «романе с привидениями» истинные призраки. Заметим, что хотя сверхъестественная сущность монашенки Регины, чье появление сопровождает запах *тлена*, на первый взгляд, не вызывает сомнений, ее можно счесть и мороком, созданным дьяволической Миладой, и — растеряв последние остатки воображения — обыкновенной галлюцинацией Северина. Поэтому иные толкователи с жаром доказывали, что речь идет о несуществующих фантомах, неотличимых для галлюцинанта от реальности, а то и нарративно-стилистическими структурах, которые «создают впечатление» фантастичности, но не подразумевают присутствие сверхъестественного.

Хождение иногда сравнивают с книгами о других «мертвых городах» наподобие Венеции или прославленного Ж. Роденбахом Брюгге. Это уподобление восходит к знаменитому пражскому критику, переводчику и эссеисту П. Айснеру, замечавшему, что Леппина «манила Прага призрачная, гибнущая, загнивающая, Прага-Брюгге». Весь роман пронизан мотивами умирающей или уходящей натуры. Тому есть объяснение: знакомая Северину и его создателю старая Прага пережила в конце XIX – начале XX века быструю модернизацию, население с 1850 по 1914 г. увеличилось вчетверо — отсюда столь часто упоминаемые в романе новые дома, фабрики, пригороды или почти полностью разрушенный еврей-

ский квартал Старого города (которому Леппин посвятил примечательный рассказ «Призрак еврейского квартала»). «Немецкоязычная литература, — пишет Т. Влчек, — была отмечена мифом старой Праги, вероятно, еще более выраженно, чем культура чешская. Старая Прага была для нее ностальгическим воспоминанием об исчезающем тихом свете родного дома».

Безусловно, именно Прага и есть то главное действующее лицо, что стоит за героями-эмблемами *Хождения Северина*. Прага как «духовный ландшафт» (М. Митчелл), фантастическое и мистическое пространство *пражского текста* (а у Леппина были здесь и многочисленные предшественники от писателей XIX в. до Рильке, Карасека и других, и продолжатели). Прага как город яви и в то же время сна, город-лабиринт, город-тело — живое ли? мертвое? — гротексно сплетенное с коллективным телом его обитателей. Город-кукловод: как писал Майринк, «все существа, что объединил этот город с тайно бьющимся сердцем, — марионетки... Прага создает и, подобно кукловоду, заставляет двигаться своих жителей от первого их вздоха до последнего дыхания».

Вот почему *Хождение Северина* — «роман с привидениями» или роман о пражских призраках. Все они, и Северин, и Зденка, и Милада, и букинист Лазарь Каин, и Майринк под маской эстета Николая, и анархист Натан, весь хоровод персонажей — суть *призраки*, порожденные сознанием Праги.

«Леппин, с его жадно восприимчивыми чувствами, впитал в себя все яды, присущие атмосфере Праги, всех призраков, бегущих света дня, и отобразил их в своих книгах с пылкой целеустремленностью, силой и глубиной, к каким приближался лишь Густав Майринк, — писал Айснер в статье *Прага как судьба поэта*» (1930). Проза Леппина — чистейшее выражение традиционного жизненного опыта немецкого поэта в этом кажущемся совершенно знакомым, но в то же время странно недоступном для понимания славянском городе, чьи лихорадочные галлюцинации он переплавляет в искусственные парадизы и инфернальные бездны».

В 1918 г. Леппин опубликовал роман *Хранители радости*, в 1920 г. — сборник эссе *Заблудшая Венера: К культурной истории эротики*. В 1928 г., дослужившись до старшего секретаря бухгалтерии, он вышел на раннюю пенсию по болезни.

В последующие годы, занимая должность секретаря Союза немецких писателей Чехословакии, он продолжал публиковать прозу, эссе, стихи и пьесы, ставившиеся в «Новом немецком театре». Леппин видел себя, по собственному выражению, «памят-

ником ушедшим временам»; он и для современников был «трубадуром старой Праги» (О. Пик), мастером «интуитивных и интимных картин странного города» (А. Кубин) или, по словам М. Брода, «избранным певцом болезненно угасающей старой Праги».

В 1934 г. Леппин был награжден премией Фридриха Шиллера, в 1938 г. по случаю 60-летия получил почетную премию от чехословацкого министерства культуры. В том же году вышло его последнее прижизненное издание — двухтомное собрание стихов и короткой прозы *Пражская рапсодия* с иллюстрациями Х. Штайнера-Прага.

Последний период жизни Леппина биографы описывают как растянувшуюся на годы пытку. В марте 1939 г. нацисты оккупировали Чехословакию. Леппин был арестован гестапо. Возможно, его по ложному доносу сочли евреем или припомнили связи с чешскими и еврейскими кругами; еще одной причиной могла послужить независимая политика Союза немецких писателей Чехословакии.

Арест и пребывание в тюрьме Панкрац усугубили физическое и психологическое состояние Леппина, страдавшего от последствий подхваченного в молодости сифилиса. По выходе из тюрьмы Леппин пережил инсульт и с тех пор большую часть времени оставался прикован к инвалидной коляске. За писателем преданно ухаживала жена; молодая подруга Леппина Марианна фон Хооп, будучи замужем за врачом, не только приносила обезболивающие, но и сумела вдохнуть в писателя желание вернуться к литературной деятельности. Незадолго до смерти Леппин написал цикл стихотворений *Пленник* и новеллу *Моника: Тринадцать глав любви из ада.*

Пауль Леппин скончался 10 апреля 1945 г. и был похоронен на Виноградском кладбище. Его вдова была выселена в Германию, где вскоре умерла. Архив Леппина, включая важный и опубликованный лишь посмертно роман *Блаугаст*, был спасен буквально чудом: кто-то нашел валявшиеся на тротуаре перед его домом бумаги и передал их в Музей чешской литературы.

А. Шерман

Роман П. Леппина *Хождение Северина во тьму* переведен по первому изданию: *Leppin P. Severins Gang in die Finsternis: Ein Prager Gespensterroman* (Munchen: Delphin-Verlag, 1914). Фронтиспис работы Р. Тешнера взят из этого же издания.
Фрагмент из книги А. М. Рипеллино взят из издания: *Рипеллино А. М. Магическая Прага*. М., 2015 (пер. И. Волковой и Ю. Галатенко; нами опущены библиографические ссылки). Фрагмент из книги М. Брода взят из издания: *Брод М. Пражский круг*. СПб., 2007 (пер. Н. Федоровой, пер. стихов В. Бакусева).
На с. 88 — илл. Х. Штайнера-Прага к *Голему* Г. Майринка. На с. 105 шарж А. Хоффмайстера.
В послесловии использованы материалы статей Д. Хоффмана, К. Гальмина и Д. Бештель, А. Тимошкина и др.

Оглавление

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

SALAMANDRA P.V.V.